

ФЁДОР РАЗЗАКОВ

ВИКТОР ТИХОНОВ

ТВОРЕЦ «КРАСНОЙ МАШИНЫ»

КГБ
ИГРАЕТ
В ХОККЕЙ

The book cover features a collage of images. In the foreground, a man in a light-colored suit and dark tie looks directly at the camera with a serious expression. Behind him, a group of hockey players in red jerseys and helmets are visible. Some of the jerseys have "СССР" (USSR) written on them. The background is a textured, greyish-blue pattern.

Федор Раззаков

**Виктор Тихонов творец «Красной
машины». КГБ играет в хоккей**

«Книжный мир»

2016

Раззаков Ф. И.

Виктор Тихонов творец «Красной машины». КГБ играет в хоккей /
Ф. И. Раззаков — «Книжный мир», 2016

ISBN 978-5-8041-0859-6

Тысячи книг написаны о советском хоккее и столько же будет написано еще. Однако книгу, которую читатель держит в руках, можно смело назвать уникальной – такой еще не было. Она показывает советский хоккей не только с фасада, но и заглядывает за его кулисы, раскрывая секреты «тайной дипломатии» – интриги спецслужб и партийной номенклатуры, которые во второй половине 70-х активно помогали советскому хоккею выбраться из кризиса. События этого захватывающего хоккейного детектива охватывают переломный период – с февраля 1977-го по май 1978 года, когда, благодаря протекции шефа КГБ Ю. Андропова и генсека Л. Брежнева, ЦСКА и сборную СССР возглавил Виктор Васильевич Тихонов. Ценой невероятных усилий ему предстояло обновить не только главный клуб страны, но и вернуть советской сборной былой авторитет на международной арене. А сделать это было крайне трудно, поскольку очередной чемпионат мира должен был проходить в Чехословакии, да еще в дни неофициального празднования там 10-летия со дня «Пражской весны» 1968 года. Чехи были полны решимости лечь костями на пражском льду, лишь бы не дать Советам выиграть чемпионат у себя дома. Для этого были мобилизованы все силы – как явные, так и тайные: от Президиума ЦК КПЧ до чехословацкой госбезопасности СТБ. А тут еще у Тихонова назрел конфликт не только с интриганам из высоких кабинетов, но и с рядом ведущих игроков ЦСКА и сборной СССР.

ISBN 978-5-8041-0859-6

© Раззаков Ф. И., 2016

© Книжный мир, 2016

Содержание

Часть первая. Гений хоккея	7
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Фёдор Раззаков
Виктор Тихонов творец «Красной
машины». КГБ играет в хоккей

© Раззаков Ф. И., 2016

© Книжный мир, 2016

Великому советскому хоккею посвящается

Часть первая. Гений хоккея

7 февраля 1977 года, понедельник, Москва, Дворец спорта в Лужниках, матч чемпионата СССР ЦСКА – «Спартак»

Облокотившись локтями на деревянную стойку правительственной ложи, Леонид Ильич Брежнев с интересом наблюдал за тем, как спартаковцы, проигрывавшие его любимому ЦСКА со счетом 3:5, но не желавшие сдаваться, организовали очередную атаку на ворота Владислава Третьяка. В углу площадки к шайбе первым подкатился спартаковец Валентин Гуреев, который собирался отправить ее на пяточок, где его паса уже дожидались партнеры. Но повернуться лицом к воротам спартаковец не успел. В следующую секунду ему в спину на крейсерской скорости врезался армеец Борис Александров, который так толкнул соперника на борт, что тот «вонзился» в него, будто гвоздь в упругую доску. Звук расколовшегося, как грецкий орех, шлема на голове спартаковца был слышен всему стадиону. От этого звука Брежнев даже откинулся всем телом назад, а с его губ сорвалось смачное матерное ругательство, которое услышали не только те, кто сидел с генсеком в правительственной ложе, но и зрители, расположившиеся прямо под ней.

– Нет, ты видел, что творит этот сукин сын? – генсек повернул голову к сидевшему рядом с ним Кондратьеву, чиновнику из отдела хоккея Спорткомитета СССР. – Это же форменный бандит в хоккейной форме.

– А я давно говорил, что надо гнать его к чертовой матери из команды, – тут же откликнулся на гневную филиппику генсека Кондратьев. – Носимся с ним, как с писаной торбой.

– Так уж прямо и гнать? – встрял в разговор генерал-майор Скурлатов – один из начальников Спортивного комитета Министерства обороны СССР, сидевший по другую сторону от генсека. – Видимо товарищ Кондратьев, болеющий за «Спартак», мечтает ослабить ЦСКА на финише сезона.

– Причем здесь мои пристрастия? – возмутился Игнатов. – Вы разве не видели, с чего все началось? Гуреев обыграл вашего любимчика на своей половине, а тот догнал его у своих ворот и впечатал в борт со всей своей неумной злости. Так ведь можно человека инвалидом сделать.

– Пряма-таки инвалидом! – отмахнулся от оппонента, как от назойливой мухи, генерал.

Но в этот момент генсек снова подался вперед и спорящие тоже последовали его примеру. Ничего хорошего внизу они не увидели. Распластанный на льду спартаковец не подавал никаких признаков жизни и, колдовавший все это время над ним врач, сделал характерный жест руками своим коллегам – это означало, что надо нести носилки. И спустя пару секунд на лед выбежали двое мужчин с носилками наперевес.

– Ну что на это скажете, товарищ генерал? – в голосе Кондратьева ясно слышались язвительные нотки.

Скурлатов молчал, насупив брови – сказать ему, действительно, было нечего. Пауза в матче затягивалась. Генсек снова откинулся на спинку кресла и, бросив косой взгляд на Игнатова, спросил:

– Тебе не кажется, Павел Сергеич, что наш хоккей все больше становится похож на корриду?

– Кажется, Леонид Ильич, – согласился Кондратьев. – Это все привносится к нам от канадцев. Александров, конечно, игрок талантливый, но после того, как сыграл против них в Суперсерии, нахватался от них всего самого грязного и возомнил себя гладиатором. А моло-

дежь, глядя на него, считает его примером для подражания. Если мы этого не пресечем, эта грязь пойдет гулять по всему нашему хоккею.

– И каким же образом вы собираетесь это пресечь, позвольте узнать? – подал голос Скурлатов.

– Будем каленым железом вычищать этих гладиаторов, – не стал медлить с ответом чиновник.

– Ты не горячись, Пал Сергеич, так ведь можно и дров наломать, – видя, куда катится разговор, произнес Брежнев. – Александров, конечно, сукин сын, но это все-таки наш сукин сын. Он молодой, горячий, но игрок талантливый – нам такие тоже нужны.

– Вот и я о том же, Леонид Ильич, – воспрянул духом Скурлатов. – У нас на носу чемпионат мира в Вене, на который впервые приедут канадские профессионалы. Это о чем говорит? О том, что времена меняются – жесткий хоккей и в Европе начинает пробивать себе дорогу. Нравится нам это или нет, но это факт. Значит, и нам надо учить наших ребят такому хоккею.

– Вот такому? – и Кондратьев кивнул на лед, откуда бригада врачей уносила на носилках Гуреева, который все еще был без сознания.

– Нет, не такому, – в голосе генерала послышались стальные нотки. – Это, конечно, перегиб. Но жесткость нашим ребятам все равно прививать нужно. А-то у нас не хоккей, а сущий балет получается. Вы там в Спорткомитете не видите этого, что ли?

– Я смотрю, Леонтий Ильич, вы в Министерстве обороны много чего видите, – огрызнулся Кондратьев. – У нас, с вашего позволения, не балет, а красивый и комбинационный хоккей. При этом туманный, поскольку у нас менталитет советский, а не канадский.

– Да бросьте вы про гуманизм – не на собрании! – Скурлатов раздраженно взмахнул рукой.

Но тут же осекся, вспомнив, что рядом сидит сам Генеральный секретарь. Однако Брежнев пропустил эту реплику генерала мимо ушей. Вернее, сделал вид, что пропустил. Этот разговор был ему интересен, поскольку хоккей он любил и ему была не безразлична его дальнейшая судьба. Но поскольку многие нюансы его развития он не знал, ему было интересно послушать мнение людей, которые по долгу службы разбирались в этом лучше его. Например, Кондратьев был большим начальником в управлении Зимних игр Спорткомитета СССР, а Скурлатов курировал спортивное направление (в том числе и хоккейную команду ЦСКА) по линии Министерства обороны.

После того, как Скурлатов осекся, разговор прервался и оба собеседника ждали, какотреагирует на услышанное генсек. Понял это и Брежнев, который хотел завершить разговор до того момента, когда игра на льду вновь возобновится – матч-то еще не закончился и сулил впереди интересную интригу.

– Я полагаю, что никто не станет спорить с тем, что Александрова надо наказать, – прервал молчание генсек. – Но вычищать его каленым железом пока рановато – дадим ему время хорошенько подумать. А по поводу балета в нашем хоккее... Думаю, Андрей Иваныч прав – канадских профессионалов не зря возвращают на чемпионат мира – Сабецки понимает, куда ветер дует. Поэтому вам, Павел Сергеич, надо провести совещание по этому поводу в Спорткомитете. И решить, в какую сторону развиваться нашему хоккею. Здесь главное не перегнуть палку и не выплеснуть с водой ребенка. Чтобы хоккей наш не утратил свою комбинационность и красоту, и в то же время приобрел нужную нынешнему времени жесткость, но не жестокость. Если мы станем потворствовать корриде на льду, такие случаи, как сегодняшний у нас будут происходить в каждом матче. Этого допустить нельзя.

7 февраля 1977 года, понедельник, Воскресенск, Дворец спорта «Химик», матч чемпионата СССР «Химик» – «Динамо» (Рига)

– Что это за безобразие? Вы что творите? – негодовал старший тренер рижского «Динамо» Виктор Тихонов, стоя у бортика.

Его гневные филиппики были обращены к главному судье матча, который в очередной раз усмотрел нарушение правил со стороны его игроков. На этот раз в роли нарушителя выступил защитник рижан Крикунов из второго звена. По мнению судьи, он толкнул защитника воскресенцев Сапелкина руками в спину, хотя Тихонов был уверен, что это была вполне обычная силовая борьба у бортика.

– Если за это удалять, тогда вообще запретите силовую борьбу, – поддержал своего коллегу Эвальд Грабовский – помощник Тихонова.

Но судья был неумолим – он жестом потребовал от Крикунова отправиться на скамейку штрафников. Тот взглянул сначала на своего тренера, после чего нехотя отправился отбывать наказание.

– Назаров, Бескашнов, Балдониекс и Воробьев – на лед! – скомандовал Тихонов, выпуская в игру тех игроков, кто умел защищаться.

Однако и тренер «Химика» Юрий Морозов тоже выпустил на лед своих лучших хоккеистов – первое звено во главе с центральным нападающим Владимиром Голиковым. Именно он в этой игре и открыл счет в середине второго периода. А спустя две минуты Кухарж увеличил разрыв. Однако не прошло и двух минут, как Денисов сократил разрыв в счете, а под занавес второго периода Одинцов, с подачи все того же Денисова, восстановил равновесие в игре – 2:2. И вот теперь, когда счет был равным, спорное удаление ставило рижан в весьма сложное положение. Ведь до конца матча оставалось чуть больше пятнадцати минут, а в игре с такой командой как «Химик», который всегда играл от обороны, отыгаться было крайне сложно. Значит, рижанам надо было во что бы то ни стало выстоять и не пропустить. И когда минула минута штрафного времени, многим показалось, что им это удалось. Первое звено воскресенцев не смогло «распечатать» ворота рижского вратаря Василенка. Не смогло это сделать и второе звено. Штрафное время неумолимо истекало и Крикунов уже встал со скамейки, чтобы выскочить на лед. Как вдруг произошло необъяснимое. Рижане потеряли шайбу в средней зоне, ее тут же подхватил защитник «Химика» Лапин, который не стал пробиваться к воротам сам, а отдал пас открывшемуся справа от него нападающему Виктору Крутову. И тот, почти без паузы, мощным щелчком послал шайбу в ближний от вратаря угол ворот. И спустя секунду за воротами Василенка зажегся красный фонарь. Счет стал 3:2 в пользу «Химика».

– Чтоб тебя!.. – сорвалась с губ Тихонова гневная тирада.

– Все – теперь они закроются в своей зоне, – услышал он позади себя реплику своего помощника.

Так, собственно, и вышло. Воскресенцы откатились к своим воротам и стали играть от обороны, редко атакуя ворота рижан. Эта победа была для них крайне важна – после нее они обгоняли рижан на два очка и обосновывались на 4-м месте в турнирной таблице. До челябинского «Трактора», который занимал третью строчку, им было рукой подать – всего пять очков.

Время на табло неумолимо уменьшалось, а все попытки рижан спасти ситуацию не приводили к нужному результату. Но волны их атак продолжали накатываться на ворота хозяев поля, которые защищал вратарь Пашков. И в тот самый миг, когда фортуна могла повернуться лицом к гостям и их давление грозило привести к голу, последовало... новое удаление в их рядах. Причем Тихонов, когда услышал свисток судьи, никак не мог понять, в чем дело. Его команда атаковала, и ни один из игроков не входил в прямое столкновение с воскресенцами.

– У вас нарушение численного состава, – озвучил арбитр причину, по которой рижане должны были понести наказание.

– Что за ерунда?! – развел руками Тихонов. – Где вы усмотрели нарушение?

– Вы неправильно провели смену – у вас на льду было шесть игроков, – был неумолим судья.

– Да он издевается над нами! – громко возмутился Грабовский.

– Если вы будете спорить, то я дам две минуты штрафа и вам, – пригрозил судья.

Тихонов бросил взгляд на табло – до конца матча оставалось чуть больше девяти минут. Если из них вычесть эти две штрафные минуты, то на то, чтобы отыграться, у рижан должно было остаться около семи минут. Но для этого надо было еще выстоять вчетвером.

И снова Тихонов выпустил на лед все тех же хоккеистов, которые защищались в момент, когда был удален Крикунов. И «Химик», который все это время отсиживался в обороне, теперь бросился в атаку. Заполнившие Дворец спорта воскресенцы (а на матче был аншлаг – 4 тысячи зрителей), стали дружно поддерживать своих любимцев, скандируя: «Шай-бу! Шай-бу!». И все время, пока под сводами дворца разносились эти призывы, «Химик» не прекращал своих атак. Вот Голиков мощным шелчком послал шайбу в правый угол ворот рижан, но Василенок в последний момент сумел выставить вперед «блин» и шайба отлетела в угол площадки. Ее тут же подхватил игрок «Химика» Жучок и вернул на «пятак», где дежурил его партнер по нападению Лаврентьев. Тот подставил клюшку, пытаясь переправить шайбу в ворота. Но рижан спасла штанга. Громкий вздох разочарования, вырвавшийся из нескольких тысяч глоток, потряс стены Дворца спорта.

– Плотнее играем, не даем бросать! – закричал Тихонов своим игрокам, опираясь руками на бортик и подавшись всем телом вперед.

В этот самый миг истекло штрафное время у рижан и они заиграли в полном составе. Шайбу подхватил Одинцов, который вошел в зону соперника и бросил шайбу по воротам воскресенцев. Пашков выбросил вперед правую ногу и шайба, попав в «валенок», отскочила на «пятак». К ней бросился защитник «Химика» Гусев, но сделал он это на долю секунды позже, чем рижский нападающий Емельяненко. Тот первым оказался у шайбы и точным кистевым броском переправил шайбу в незащищенный угол ворот воскресенцев. И красный фонарь возвестил о том, что счет в матче снова стал равным – 3:3.

Всегда сдержанный Тихонов, на этот раз вскинул руки вверх, не в силах сдержать свои эмоции. До конца матча оставалось чуть больше пяти минут и теперь уже рижанам надо было думать о том, чтобы надежно запереться в обороне и не позволить хозяевам льда в очередной раз выйти вперед в счете. На трибунах вновь стали скандировать «Шай-бу! Шай-бу!», подгоняя игроков «Химика» на последний штурм. И он получился самым мощным из всех предыдущих. Дважды шайба попадала в штангу, а за минуту до конца игры на рижском «пятке» образовалась такая куча-мала, что вратаря Василенка затолкали в ворота вместе с шайбой. Раздался свисток и у Тихонова кольнуло в области сердца. Он вспомнил похожую ситуацию, которая случилась 26 ноября 1976 года в Горьком, где его «Динамо» играло против местного «Торпедо». Рижане бездарно проиграли тот матч 2:7 и именно тогда Тихонова впервые подвело сердце – после игры его увезли в больницу. К счастью, это был всего лишь микроинфаркт, а не нечто более серьезное. Но сегодняшняя игра грозила уложить тренера рижан на больничную койку надолго.

Когда куча-мала рассеялась, все увидели, что Василенок лежит в воротах, но рука с ловушкой у него выброшена вперед. Именно там, а не за линией ворот, покоилась шайба. И судья показал на вбрасывание в правом углу от ворот. Его выиграли рижане, а спустя пятнадцать секунд прозвучала сирена, возвестившая о том, что матч закончился вничью. Это означало, что обе команды набрали по 26 очков и сохранили свое лидирующее положение. Причем, если для воскресенцев этот счет нельзя было назвать слишком удачным (они были хозяевами

льда), то подопечные Тихонова могли праздновать пусть маленькую, но победу – для них гостевая игра завершилась взятием одного очка.

Когда его команда ушла в раздевалку, Тихонов направился напрямиком в судейскую комнату. Судьи уже находились там, здесь же был и инспектор матча.

– Как вам не стыдно так судить?! – едва перешагнув порог комнаты, громко обратился к главному судье Тихонов.

– А в чем дело, Виктор Васильевич? – в недоумении разведя руками, спросил арбитр. – Матч закончился вничью – вполне удобный счет для обеих команд.

– Причем здесь ничья? Я веду речь о вашем предвзятом судействе, которое повторяется уже не в первый раз, когда речь идет о нашей команде.

– Это вам кажется, – судья демонстративно отвернулся от тренера и щелкнул тумблером телевизора.

В этот миг там шла программа «Время».

– Действительно, Виктор Васильевич, вам надо просто успокоиться, – подал голос инспектор матча, который сидел за столом и что-то писал в протоколе игры. – Вас переполняют эмоции, но они улягутся и вы будете смотреть на все происшедшее другими глазами.

– Мои глаза останутся на том же месте, – продолжал негодовать Тихонов. – И они видят, что в отношении моей команды на финише сезона допускаются непозволительные судейские ошибки. Вот я и пытаюсь выяснить: случайные они или нет.

– Всякий человек может ошибиться, в том числе и судья, – продолжал успокаивать тренера инспектор. – К тому же лично я не нашел в сегодняшних действиях арбитра серьезных ошибок, за которые на него можно было бы нападать.

– А удаление Крикунова, который ничего не нарушал? Наконец, наложение штрафа за вымышленное нарушение численного состава?

– У вас, Виктор Васильевич, всегда виноват кто угодно, но только не вы, – вновь повернулся к тренеру лицом судья. – Вы команду свою лучше тренируйте, тогда не вничью играть будете, а побеждать. Да еще с таким счетом, что никакие судейские ошибки на эту победу повлиять не смогут.

– Все равно я вынужден записать в протоколе свое несогласие с вашими действиями, – объявил Тихонов.

– Сколько угодно, – и по губам судьи пробежала откровенная усмешка.

В это время в программе «Время» дошли до спортивных новостей. Диктор сообщил о результатах сегодняшних игр в хоккейном первенстве и особое внимание уделил игре ЦСКА со «Спартаком» в Лужниках.

– Армейцы выиграли со счетом 6:3 и упрочили свое лидирующее положение в турнирной таблице, – вещал диктор. – Однако на матче произошел неприятный инцидент, который омрачил болельщикам радость от просмотра этого увлекательного поединка. Игрок ЦСКА Борис Александров опасно атаковал спартаковца Валентина Гуреева, который получил тяжелую травму и был отправлен в больницу. Этот случай лишний раз показал, что в нашем хоккее еще не все обстоит благополучно. Грязная игра, которая присуща канадскому хоккею, не имеет права проникать на наши ледовые арены. Этот инцидент лишний раз доказал, что нашему хоккейному руководству предстоит сделать серьезные выводы с тем, чтобы подобные инциденты больше у нас не повторялись.

– Видите, Виктор Васильевич, о чем должна болеть у нас голова в первую очередь: о том, чтобы к нам не проник грязный хоккей, – вновь обратился к тренеру инспектор.

– А мне кажется, ваша голова должна больше болеть о другом – о том, как не допустить грязное судейство, – ответил Тихонов и вышел из комнаты, хлопнув дверью.

8 февраля 1977 года, вторник, Архангельское, база ЦСКА

На армейской базе шло собрание команды, посвященное вчерашнему инциденту во время матча против «Спартака». В комнате собраний на третьем этаже трехэтажного корпуса базы собралось руководство клуба, игроки, а также гости – представитель Спорткомитета, журналист газеты «Советский спорт». Был здесь и сам виновник произошедшего – Борис Александров, который сидел в гордом одиночестве – в углу, рядом с трибуной, на которую мог взойти любой из желающих.

После того, как комсорг команды Виктор Жлуктов открыл собрание, к трибуне, слегка прихрамывая вышел патриарх команды – тренер Анатолий Тарасов. Видимо, выходя первым, он решил задать тон всему собранию. А начал свое выступление патриарх с экскурса в прошлое:

– Летом 1973 года Анатолий Васильевич Фирсов пришел ко мне и рассказал, что видел в Усть-Каменогорске игрока с отличными задатками: жажда игры, азарт, самоотдача, дерзкая и необычная обводка. Звали этого юного самородка Боря Александров. Я попросил пригласить его в Москву, чтобы лично посмотреть на него в игре. Посмотрел – и поразился. В чем была сила у этого парня? У него были три скорости: взрыв – маневр – сообразительность. Я не много видел хоккеистов, равных Борису по дарованию. Поэтому я стал просить его родителей, чтобы они отпустили сына в Москву. Они согласились, хотя Боре не было 18 лет, его даже не могли призвать в армию. Так Александров оказался в ЦСКА. И вскоре его талант заиграл всеми гранями. Он был очень невыгодным противником в игре, особенно для канадцев. Вспомните, как он играл против клубов НХЛ в новогоднем турне ЦСКА 1975–1976 годов! В Нью-Йорке, в Бостоне, в Монреале – как играл! Заиграла их тройка, где справа – Викулов, а в центре – Жлуктов, Борькин одноклассник. Наконец, в Инсбруке Борис становится олимпийским чемпионом. Я тогда называл Бориса «фейерверком», вкладывая в это слово только хорошее. Но у этого слова, как известно, есть и другое значение. К сожалению, в случае с Александровым оно подтвердилось. Ведь что такое фейерверк? Взрыв, красота – пш-пш-пш... И нет ничего!

Свою речь Тарасов произносил, глядя в зал, в лица собравшихся. Но затем он повернулся к Александрову и обратился непосредственно к нему:

– У тебя, Борис, постоянно проявлялись черты эгоизма – и житейского, и игрового, ибо и то, и другое всегда переключается. Ты думал прожить жизнь один, не хотел делить славу с другими. Ты не замечал большой дружбы, которая многие годы связывает Петрова, Михайлова и Харламова, помогает им с честью выходить из самых суровых испытаний. Ты не смог оценить дружбы Анатолия Фирсова, который рекомендовал тебя в ЦСКА, и дружбы твоего замечательного партнера по тройке Владимира Викулова, который от всей души хотел помочь тебе стать выдающимся хоккеистом. И поэтому в трудную минуту у тебя не оказалось настоящего друга... Ты не научился уважать старших, поэтому стал неприятен даже тем ветеранам ЦСКА, которые на редкость доброжелательно относятся к людям. Ты оказался эгоистом. И этот эгоизм губит в тебе спортсмена. Задумайся об этом, пока не поздно.

Ретроспекция. Усть-Каменогорск, июнь 1973 года

Борис сидел дома и читал книгу, когда в квартиру внезапно вбежал отец и бросился к секретеру, где у него были сложены вырезки из газет, в которых упоминалось имя его сына – талантливого игрока усть-каменогорского «Торпедо». Отец лихорадочно стал перебирать заметки, складывая их в две разные стопки. Видимо, в одну он отбирал публикации, где о его сыне говорилось подробно, в другую – где только вскользь.

– Ты что делаешь, батя? – поднимая голову от книги, спросил Борис.

– Не видишь, заметки про тебя отбираю, – последовал ответ.

– Зачем? – продолжал допытываться сын.

– А ты разве не слышал, что к нам во Дворец спорта приехали хоккеисты ЦСКА во главе с Фирсовым? Вот хочу им показать заметки про тебя – должны же тобой когда-нибудь и в Москве заинтересоваться.

– Ты же меня уже в Ригу сосватал, – напомнил сын отцу недавнюю историю.

Месяц назад их «Торпедо» играло очередной матч первой лиги против рижского «Динамо». И Александров-старший перед игрой подошел к тренеру рижан Виктору Тихонову и спросил: как, мол, его сын играет, вам нравится? Тренер ответил прямо: парень очень перспективный.

– Тогда возьмите его к себе, – предложил отец.

Тихонов не ожидал такой наглости и хотел было уйти от прямого ответа. Но затем, подумав, сказал:

– Хорошо, пусть приезжает ко мне в Ригу – мы его в деле посмотрим.

И вот теперь Александров-старший загорелся новой идеей – сосватать отпрыска в ЦСКА. Честно сказав при этом сыну:

– Все-таки Москва это не Рига – если туда попадешь, можно потом и на сборную нацелится. Но для этого тебя представить надо во всей твоей красе. Вот я и подумал – пусть почищают, что о тебе наши местные газеты пишут.

Выслушав отца, Борис захлопнул книгу, бросил ее на подоконник и подошел к родителю. Отодвинув его плечом от секретера, он сгреб все заметки в одну кучу и положил их обратно в папку. После чего закрыл дверцу секретера.

– Ты чего это, сынок? Я же как лучше хочу, – удивился отец.

– Батя, ничего никуда носить не надо. Захотят, сами заметят.

8 февраля 1977 года, вторник, Архангельское, база ЦСКА

После Тарасова к трибуне вышел один из игроков. Как эстафетную палочку, он подхватил тему, прозвучавшую в последних словах Тарасова:

– Александров, еще выступая за команду Усть-Каменогорска, страдал зазнайством. Не избавился он от этого и в нашей команде. Например, на замечания своих старших товарищей он может процедить сквозь зубы: «Не учи ученого». Ему постоянно приходится делать замечания, чтобы он спустился с небес на землю. После серьезных разговоров он мог на некоторое время сдерживаться, но потом снова возникали рецидивы. Ни один советский спортсмен не может так поступать, как поступил Александров. Стыдно здесь сидеть всему руководству клуба и краснеть за твои действия, Борис.

Еще один игрок команды вспомнил историю двухгодичной давности, связанную с именем другого армейца – Валерия Харламова:

– В матче против Воскресенского «Химика» Валерий нарушил правила – ударил кулаком по лицу Владимира Смагина, с которым он когда-то играл в команде «Звезда» из Чебаркуля. Сделано это было не со зла, а в пылу борьбы. Но как же переживал тот инцидент наш товарищ! Уже на следующий день он бросился разыскивать Смагина, чтобы принести ему свои извинения. Он потратил на его поиски почти целый день, поскольку тот только что переехал в новый район в Люберцах и его адреса еще не было в Мосгорсправке. А когда Валерий нашел-таки нужный дом, оказалось, что Смагин сидит на хоккее в Лужниках. Валерий бросился туда, но опоздал – матч уже закончился. И только поздно вечером, узнав от жены, что его ищет сам Валерий Харламов, Смагин позвонил ему домой по телефону. И наш товарищ извинился перед ним за свой проступок. Вот что значит человеческое благородство и хоккейное товарищество! А ты, Борис, вчера после игры даже не пришел в раздевалку «Спартака», чтобы поинтересо-

ваться здоровьем человека, с которым ты так жестоко обошелся. А ведь он не только твой старший товарищ, он твой земляк – Гуреев чуть раньше тебя два года играл за усть-каменогорское «Торпедо». Как же так можно, Борис?!

Слушая эту речь, Александров попытался отыскать глазами Валерия Харламова, но тот сидел в самом конце комнаты и разглядеть его за головами товарищей виновник происходящего так и не сумел. В этот миг в его памяти всплыл эпизод почти трехгодичной давности.

Ретроспекция. Ноябрь 1973 года

В тот памятный день Борис Александров коротал время в своей двухместном номере на базе в Архангельском. Его напарника, Виктора Жлуктова, рядом не было, поэтому перекинуться в карты было не с кем. Выйдя на балкон, Александров какое-то время смотрел на раскинувшуюся внизу Москва-реку, но быстро замерз и вернулся в номер. Лег на кровать и, прикрыв глаза, мысленно перенесся на свою родину, в Усть-Каменогорск. Его ностальгическим мыслям как нельзя лучше помогала пронзительная песня из радиоприемника в исполнении какого-то зарубежного певца с бархатным голосом, которого хоккеист слышал впервые. Песня была на английском языке и из всех слов, звучавших в ней, Александров понимал только одно – сувенир. И надо же будет такому случиться, что тема этой песни окажется для него актуальной буквально в процессе ее исполнения.

Увлеченный прослушиванием, хоккеист не сразу заметил, как в комнату вошел его товарищ по команде – Валерий Харламов. А когда гость был обнаружен, Александров тут же вскочил с постели, но сразу застыл на месте, увидев, как вошедший приложил палец к губам: дескать, давай дослушаем песню. Когда прозвучал ее последний аккорд, Харламов произнес:

– Странно, эту вещь я еще никогда не слышал, хотя певца знаю. Наверное, новинка.

Поймав вопросительный взгляд Александрова, Харламов пояснил:

– Это Демис Руссос из Греции. А пел он, как я понял, про какой-то сувенир. Ты не поверишь, Борис, но я пришел к тебе по этому же вопросу. Бывают же в жизни совпадения!

– По какому вопросу? – не понял Александров.

– Я же говорю – по поводу сувенира. Пойдем со мной, сам все увидишь.

И Харламов, направляясь к двери, жестом позвал с собой и Александрова.

Спустя несколько минут они оказались в комнате, где Харламов проживал с двумя своими партнерами по знаменитой тройке – Михайловым и Петровым. Только в данную минуту ни того, ни другого в комнате не оказалось.

Когда Александров переступил порог жилища, Валерий достал из-под кровати баул, из которого торчали несколько клюшек, и положил их у ног гостя.

– Эти «палки» мне на днях прислал из Канады один из тренеров канадской сборной, с которой мы год назад играли Суперсерию, – сообщил Харламов. – И ты представляешь – все они с правым хватом. А у меня-то левый, как у большинства. И почему мне прислали именно такие, понять не могу. Наверное, напутал что-то тренер. Вот и я стал прикидывать, кому в нашей команде они могут быть кстати. И вспомнил, Борис, про тебя. Ты же у нас праворукий?

Вместо ответа Александров лишь утвердительно кивнул головой. Он был настолько ошарашен услышанным, что никак не мог поверить в то, что ему так несказанно повезло – получить такой королевский подарок. Ведь молодежь в ЦСКА играла отечественными клюшками, которые были весьма незамысловатыми по виду и ненадежными по части своей крепости, и тут на тебе – настоящие канадские клюшки!

– Ну, что ты молчишь – берешь «крюки» или нет? – спросил Харламов.

– Конечно, беру! – спохватился Александров, чем привел дарителя в радостное возбуждение. Мэтр рассмеялся и пару раз ободряюще хлопнул молодого коллегу ладонью по плечу. После чего сказал:

– На тренировки эти «крюки» не приноси, работай с нашими. А вот на чемпионат мира взять их советую – могут пригодиться.

Речь шла о первом молодежном чемпионате мира, который через месяц должен был пройти в Ленинграде. И ведь как в воду глядел Харламов! На том чемпионате сборная СССР завоевала золотые медали, а Борис Александров стал вторым по результативности после своего коллеги по команде Виктора Хатулева из рижского «Динамо» – тот набрал 9 очков, а у Александрова было всего на два гола меньше. Правда, Борису пришлось схитрить. Он сделал изгиб на харламовских «крюках» чуть больше положенного по норме. Но поскольку обнаружилось это уже в самом конце чемпионата, в финальной игре против канадцев, Александрову присудили лишь десятиминутный штраф, а забитые им две шайбы отменять не стали. Наши, кстати, в том матче победили родоначальников хоккея с разгромным счетом – 9:0.

8 февраля 1977 года, вторник, Архангельское, база ЦСКА

А собрание между тем продолжалось. К трибуне вышел журналист «Советского спорта», которому предстояло осветить этот инцидент в ближайшем номере газеты. Его речь была не менее суровой, чем предыдущие:

– Мне не раз приходилось слышать этакое снисходительное: «Ну что вы – то есть мы, журналисты – придираетесь к Александрову. Он еще мальчишка. Вот малость повзрослеет – и поумнеет. Но что мы видим? Взрослеть Александров действительно взрослеет. Но вот умнеть?! Этот, с позволения сказать, «мальчик» вчера даже не подъехал к лежащему на льду Валентину Гурееву, а в раздевалку шел с этакой ухмылкой на лице. Вальяжной походкой, вразвалочку он шествовал по коридорам Дворца спорта, чему я сам был свидетелем. На нем была роскошная дубленка, на голове модный пробор – все, как полагается. А мне вспомнились первые послевоенные годы: эдакие молодцы в кепках-малокозырочках с челкой, свисающей на низкий лоб, и их наглое: «А ты шо-о?!» Тогда в темных переулках можно было столкнуться со шпаной, желающей покуражиться.

Казалось бы, что эти типы давно ушли в прошлое. И вот на тебе: вчера на ледяной арене, залитой светом прожекторов, перед тысячами зрителей хоккейный шлем вдруг взял и обернулся той самой кепкой-малокозырочкой.

– Что-то вас не в ту степь потянуло, – раздался из президиума, который расположился за спиной выступающего, суровый голос начальника команды. – У нас здесь не бандитское формирование, а спортивная команда Министерства обороны.

– Вот и я о том же, – повернулся на голос начальника выступающий. – Нельзя воинскому коллективу попустительствовать хулиганам, которые позорят его честь. Таких людей надо строго наказывать, чтобы другим было неповадно.

Сказав это, выступающий покинул трибуну и сел на свое место в первом ряду. После этого начальник команды обратился к Александрову:

– Ну, что, Борис, есть тебе что сказать своим товарищам?

Александров поднялся с места и уже готов был начать свою речь, когда начальник команды жестом прервал его не начавшееся выступление и пригласил выйти к трибуне. Хоккеист повиновался. И, глядя в глаза своим товарищам по команде, был краток:

– Спасибо всем за правильные и честные слова по моему адресу. Я осознаю свою вину перед командой и ее руководством, поэтому обещаю сделать нужные выводы.

– А как насчет Гуреева? – раздался за спиной Александрова голос все того же начальника команды.

– После собрания я поеду к нему в больницу и попрошу прощения, – ответил хоккеист.

И, опустив голову, вернулся на свое место. Рассказывать о том, что Гуреев сам вынудил его на эту грубость, несколько раз ударив в ходе игры клюшкой по рукам, Александров не стал

– понимал, что это вряд ли кого-то сможет «пронять». Да и неадекватной была месть – за удары по рукам жестокий толчок на борт.

– Ну, что, ребята, поверим Борису? – спросил начальник команды.

С места раздалось: «Поверим».

– Тогда запишем в протоколе собрания строгое предупреждение и дисквалификацию на ближайшие пять игр.

Однако, едва выступавший это произнес, к нему наклонился, сидевший рядом тренер команды Константин Локтев и что-то ему сказал на ухо. После чего начальник команды внес поправку:

– Прошу прощения, не на пять игр, а на три. Думаю, этого наказания Александрову будет вполне достаточно, чтобы осознать всю меру своей вины.

9 февраля 1977 года, среда, Рига, Латвийская ССР, квартира Тихоновых

Тонко намазав на хлеб сливочное масло, Виктор Васильевич Тихонов налил в чашку горячего чая из фарфорового чайника. И кусая бутерброд, молча наблюдал за тем, как жена Татьяна гладит ему рубашку на гладильной доске. До приезда служебной «Волги», которая должна была отвезти тренера рижского «Динамо» с его квартиры на улице Вейденбаума на очередную тренировку на базу команды в Кандаву (тихий городок с восьмидесяти тысячным населением в 80 километрах от Риги) было еще полчаса, поэтому никто не торопился: Тихонов молча ел бутерброд, а жена гладила, мерно вода утюгом по доске. Поднявшись с постели два часа назад, Тихонов уже успел сделать утреннюю пробежку до Дворца спорта (он находился в десяти минутах от его дома – на улице Кришьяна Барона) и обратно, и даже принять душ. Теперь оставалось еще позавтракать, после чего можно было сказать, что первая половина утра полностью удалась. И в этот самый миг в коридоре зазвенел переливами красивой мелодии дверной звонок.

– Интересно, кто это с утра? – спросила жена, перестав гладить.

– Доглаживай, а я пойду открою, – положив недоеденный бутерброд на тарелку, Тихонов встал из-за стола и отправился в коридор.

Следом за хозяином увязался их карликовый пудель Нерон, который отличался веселым нравом и обожал гостей, в какое бы время суток они не приходили.

Ранним гостем оказался композитор Раймонд Паулс, который жил в одном подъезде с Тихоновыми, только четырьмя этажами выше – на шестом.

– Здравствуй, Василич, – расплываясь в улыбке и переступая порог, поздоровался композитор. – Извини за ранний визит, но иначе не получается – улетаю на гастроли.

– Куда, если не секрет? – поинтересовался Тихонов.

– В Чехословакию, на неделю. Выступаем с моим ансамблем «Модо» в пяти городах. Мы ведь, как и вы, хоккеисты – все время в разъездах. Ты ведь тоже только вчера из поездки вернулся.

Композитор был прав – рижское «Динамо» вернулось из Воскресенска вчера днем.

– Значит, ты видел нашу игру? – поинтересовался Тихонов, зная о том, что Латвийское телевидение вело трансляцию этого матча. – Какое мнение сложилось?

Вопрос был задан не случайно. Композитор следил за успехами рижского «Динамо» и, пользуясь своим соседством с тренером, частенько делился с ним своими впечатлениями, которые позволяли Тихонову увидеть игру своих подопечных глазами стороннего наблюдателя.

– Мне кажется, что последние удаления у вас были несправедливыми, – после короткой паузы произнес Паулс.

– Надо же, и ты у экрана это заметил? – искренне удивился тренер.

– А что тут замечать – все, как говорится, на лицо. Не хочет кто-то, чтобы команда из Прибалтики вошла в тройку призеров. Вот и сдерживают вас. Кстати, кто судил ваш матч?

– Бригада из Москвы. Поэтому я еще до игры предчувствовал, что судьи будут вставлять нам палки в колеса.

– Как хорошо, что ты вспомнил про свои предчувствия, а то я совсем забыл, зачем к вам зашел, – рассмеялся композитор.

И он протянул соседу пластинку, которую все это время держал в руках:

– Мой новый диск так и называется – «Предчувствие». Он только что вышел на нашей рижской «Мелодии». А через две недели, когда мы вернемся с гастролей, мы будем «обкатывать» песни с него на публике – в Большом зале филармонии. Так что милости прошу быть на одном из концертов тебя и всю твою команду.

– Раймонд, спасибо большое, но сколько раз тебе повторять – не мою команду, а нашу. Ты же коренной рижанин, в отличие от меня.

– Прости, Василии, забыл, – засмеялся в ответ Паулс.

– Ты не только это забыл, Раймонд, – подала голос из комнаты жена Тихонова. – Ты забыл поздороваться со мной и пригласить на свой концерт и меня.

– Извини, Татьяна, я думал, что ты уже умчалась на работу, – все так же стоя на пороге, громко произнес Паулс. – Естественно, мое приглашение подразумевает и твое присутствие. И сына своего, Васю, тоже прихватите. Он, кстати, как?

– Хорошо, но он сейчас в отъезде – «Латвияс Берзс» участвует в турнире в Минске, – ответил за жену Тихонов.

– Ну, тогда я пошел, – протягивая ладонь для прощального рукопожатия, произнес композитор.

Вернувшись в комнату, Тихонов взглянул на настенные часы – они показывали, что до приезда служебной машины было еще пятнадцать минут. Он извлек из конверта пластинку и поставил ее на проигрыватель. Но прежде, чем он успел опустить иглу на диск, жена спросила:

– Как он сказал называется пластинка?

– «Предчувствие».

– Красивое название, – жена догладила рубашку и, повесив ее на спинку стула, присела на диван, чтобы насладиться музыкой. Рядом с ней тут же примостился и Нерон.

– Ну что же, посмотрим, что новенького сочинил наш знаменитый сосед, – произнес Тихонов и опустил иглу на диск.

И по квартире разлились чарующие звуки новой композиции Раймонда Паулса, давшей название всей пластинке. Пока звучала песня, Тихонов, присев на диван рядом с супругой и обняв ее за плечи, погрузился в собственные мысли. В эти минуты ему почему-то вспомнилось послевоенное время – 1949 год, когда он, будучи 19-летним молодым человеком, перемалывал через забор в кинотеатр «Форум», который находился рядом с его домом на Малой Колхозной улице, и смотрел итальянский фильм режиссера Марио Коста «Любимые арии» с музыкой Джованни Фуско и восхитительной Джиной Лоллобриджидой в главной роли. Эту музыкальную ленту, где звучал знаменитый шлягер в исполнении певца Тито Гобби «Скажите, девушки», Тихонов смотрел раз двадцать – так она его потрясла. Он в ту пору играл в футбол на стадионе «Буревестник» (на его месте потом построят спорткомплекс «Олимпийский») и о хоккейной карьере не думал. Всеми его помыслами с детства владел футбол.

Ретроспекция. Москва, 1940 год, Двор между Садово-Сухаревской и Малой Колхозной улицами

В футбол в предвоенной Москве мальчишки гоняли до изнеможения. Играли тряпичными мячами, набитыми опилками, мутузили все, что попадалось под ноги, – консервные

банки и даже пустые папиросные коробки. Слава Тихонов, по прозвищу Кыра (он тогда сильно картавил) не был исключением из правил. Их дворовая команда частенько противостояла командам из соседних дворов, а главным их соперникам были ребята с 4-й Мещанской. Среди последних особенно выделялся шустрый 8-летний Женька со странной фамилией Гангнус. Ребята называли его «немчурой», хотя сам он уверял всех, что это латышская фамилия. Отец у него был геологом, а деда-математика репрессировали как «врага народа». Спустя два десятка лет, когда Кыра-Тихонов дорастет до помощников знаменитого тренера Аркадия Чернышева, Жека Гангнус, сменив фамилию на Евтушенко, будет греметь на просторах Союза, как знаменитый поэт. Но тогда, за год до войны, никто из них об этом, естественно, даже не догадывался, гоняя тряпичный мяч во дворе на Малой Колхозной, прямо напротив кинотеатра «Форум».

– Кыра «немчуре» ногу сломал! – истошный вопль кого-то из юных игроков огласил всю ближайшую округу.

Игра тут же остановилась и ребятня бросилась к Жеке Гангнусу, который, корчась от боли, лежал на земле. Рядом с ним стоял Слава Тихонов, который в пылу борьбы за мяч так саданул соперника пыром по голени, что звук от этого удара был слышен даже в соседних переулках. Один из «мещанских» – рыжий парень по прозвищу Кузя – схватил с земли мяч и решительным шагом направился к воротам «колхозников». Стало ясно, что он собирается бить «пеналь» – пенальти. Но «колхозники» не хуже рыжего знали правила. Нарушение случилось в центре поля, значит никакого «пеналья» быть не должно.

– Кузя, а рожу у тебя не треснет? – преграждая рыжему дорогу, завопил ему прямо в лицо Славка Гвоздь, который был самым старшим из всех играющих – ему шел четырнадцатый год.

– Ваш Кыра нашего игрока уделал – значит, будет «пеналь»! – с не меньшим запалом, чем его визави, выпалил Кузя.

– Никого он не уделал – вон ваш немчура уже и голосить перестал. Малость полежит и опять забегает. Бей штрафной от центра.

– А я сказал, Гвоздь, «пеналь» будет! – Кузя, хоть и был тщедушнее Славки, но, выпятив вперед грудь, стал наступать на своего противника.

В воздухе явственно запахло дракой. До нее оставались считанные секунды, когда над футбольным полем раздался чей-то залихватский свист. Все повернули головы и увидели человека, которого меньше всего хотели бы видеть. Это был Генка Стеклов по прозвищу Штырь. Сын уголовника-рецидивиста и матери-алкоголички он был грозой окрестной детворы, которая одновременно боялась его и уважала. Несмотря на свой жестокий нрав, Генка был справедлив и порой даже сентиментален.

– Что за шум, а драки нет? – играя папиросой в углу рта, спросил Генка, приближаясь к Кузе и Гвоздю.

– Да вот, Кузя нас новым правилам учит, – ткнул рыжего кулаком в груд Гвоздь. – Немчуру вон где сбили, а он решил нам «пеналь» пробивать.

– Потому что ваш Кыра грубо играет – чуть ногу ему не сломал.

– Чуть не считается, – был неумолим Гвоздь.

– А ну-ка, шантрапа, замолчь! – осадил спорящих Генка и повернулся к Жеке: – Немчура, брысь ко мне!

Женька встал с земли и поковылял на зов Штыря. Глядя на то, как он идет, тот усмехнулся:

– А ты, Кузя, нам баки забиваешь, что он ногу сломал. Глянь, как марширует – будто конь Буденного на военном параде.

Когда Жека подошел к нему на расстояние вытянутой руки, Генка забрал у Кузи мяч и, передав его Жеке, сказал:

– Ковыляй до места своего падения и бей оттуда штрафняк. А ты, Кыра, запомни: идти на игрока с прямой ногой – значит, сделать его инвалидом. Вдруг наш Жека когда-нибудь станет Пекой Дементьевым или Серегой Ильиным, а ты ему на самом взлете всю мазу поломаешь.

– Не будет из немчуры футболиста, – подал голос Гвоздь, – он хоть и шустрый, но больно малохольный. А вот из Кыры толк может получиться.

– На пари нарываешься, Гвоздь, – Генка выплюнул изо рта потухшую папиросу. – У Кыры техника хорошая, но башка деревянная – прет вперед, как танк.

– К хорошим тренерам попадет, башку ему поправят, – не сдавался Гвоздь.

– Пospорим?

– На что?

– Я у твоего бати полевой бинокль видел.

– А ты мне за него свою финку отдашь.

– Вы чего, обалдели? – вмешался в этот спор Кузя. – Пока Кыра до великого дорастет, вам уже по сто лет будет.

– А я терпеливый, – гоготнул Генка. После чего смачно харкнул себе под ноги и сказал:

– Ну, ладно, доигрывайте свой футбол, голытьба, а я к Машке пойду – заждалась она, поди, меня.

Однако, дойдя до поворота в переулочек, Генка не удержался – обернулся и крикнул играющим:

– И все-таки не быть Кыре хорошим футболистом.

Как показала жизнь, Генка Стеклов по прозвищу Штырь в какой-то мере оказался прав – Славке Тихонову, действительно, не суждено будет стать великим футболистом. Его сманит иная стезя – хоккей, который в конце 40-х станет в Советском Союзе не менее популярен, чем футбол. И, самое интересное, Генка успеет признать свое поражение много лет спустя. Это случится в конце 60-х, когда судьба забросит Тихонова в рижское «Динамо». Его жену, Татьяну, местные власти устроят на работу юристом в местную колонию строгого режима. И вот однажды, когда она после очередного трудового дня собиралась уходить домой, на улице к ней подошел невысокий мужчина в кепке и с трехдневной щетиной на скулах. В руке он держал гвоздику. Протягивая ее женщине, незнакомец спросил:

– Это ведь вы Татьяна Тихонова, супруга Виктора Васильевича?

– Совершенно верно, – принимая цветок, ответила Татьяна. – С кем имею честь?

– Мое имя лично вам ничего не скажет, – ответил мужчина и кашлянул в кулак.

По тому, как он это сделал, Татьяна поняла, что у незнакомца тяжелая форма туберкулеза. Она догадалась, что перед нею бывший зек.

– Тогда чем я обязана этому цветку?

– У меня к вам настоятельная просьба. Передайте пожалуйста Кыре, что Штырь был не прав.

Сказав это, мужчина галантно поклонился своей собеседнице и пошел в противоположную от ее дома сторону. Когда, придя домой, Татьяна рассказала об этой встрече мужу и подробно описала внешность незнакомца, тот всплеснул руками:

– Это же Генка Стеклов – мой сосед по Малой Колхозной! Надо же – жив курилка!

9 февраля 1977 года, среда, Рига, Латвийская ССР, квартира Тихоновых

– Странно, что такие прекрасные мелодии, которые пишет Раймонд, до сих пор не заинтересовали кого-то из больших артистов в Москве, – едва кончилась на пластинке песня, произнесла жена Тихонова. – Например, эта вещь могла бы украсить репертуар Аллы Пугачевой.

– Была же Лариса Мондрус с «Синим льном», – напомнил Тихонов.

– И где теперь Мондрус – в Германии? С тех пор и «Синий лен» в ее исполнении пропал. И вот уже пять лет, как песни Раймонда в Москве больше никто не поет.

– Я думаю, это временное явление и его талант рано или поздно снова заметят и в столице, – поднимаясь с дивана и направляясь к стулу, на спинке которого его дожидалась свежая и идеально выглаженная рубашка, ответил Тихонов.

– А как быть с твоим талантом?

На вопрос супруги муж ответил не сразу. Сняв с себя спортивную кофту, он облачился в белоснежную рубашку и, застегивая пуговицы, спросил у жены:

– Тебе плохо в Риге?

– Нет, лично мне здесь очень хорошо, я никуда не хочу уезжать, но я думаю о тебе. Мне кажется, что ты уже перерос рижское «Динамо». Все-таки почти десять лет его тренируешь. Да, ты вернул команду в класс сильнейших, поставив всю Ригу на уши. Все до сих пор помнят, какой ажиотаж стоял вокруг ваших матчей. Чтобы достать заветный абонемент люди ночевали возле Дворца спорта и даже жгли там костры. Те абонементы на хоккей стали настоящим дефицитом – они распространялись по жуткому благу, на них меняли черную икру и даже американские джинсы. Но все это в прошлом. И хотя ты вывел в минувшем сезоне команду на шестое место...

– ...то ты считаешь этот результат моим потолком? – продолжил мысль жены Тихонов.

– Хорошо, в этом сезоне вы можете войти в тройку лидеров. Но стать чемпионами вам все равно не дадут. Ни в этом сезоне, ни в последующих.

– И поэтому мы должны уехать из Риги?

– Речь не об этом, а о том, что для дальнейшего роста тебе нужно возглавить какую-нибудь московскую команду. Ты ведь сам думаешь об этом, только боишься в этом признаться. А ведь даже Раймонд однажды, сидя вот на этом диване, признался нам, что мечтает поработать с кем-то из московских знаменитостей.

– Я уже работал со знаменитостями, – напомнил жене Тихонов прошлогоднюю историю, когда он возглавлял первую сборную СССР на Кубке Канаде, завоевавшую третье место.

– Это была молодежная, по сути экспериментальная сборная, где ведущих игроков практически не было. А я веду речь о каком-то из именитых московских клубов. Ты же часто бываешь в Москве, поговори с кем-то из Спорткомитета, обворожи, в конце концов. Не всю же жизнь тебе тренировать рижское «Динамо» или вторую сборную.

– Дорогая, обворожи – это не по моей части, – не смог сдержать улыбки Тихонов. – Впрочем, ты меня уговорила. Как только нашего знаменитого соседа-композитора оценят в Москве, следом за ним туда отправлюсь и я, чтобы возглавить, например, ЦСКА и первую сборную в придачу. Надеюсь, эти клубы тебя устраивают?

– Вот всегда так: как только я хочу поговорить с тобой на серьезные темы, ты переводишь все в шутку, – женщина тяжело вздохнула и поднялась с дивана.

Как оказалось вовремя – за окном послышался гудок служебной «Волги»...

Автомобиль домчал Тихонова до базы рижского «Динамо» в Кандаве за час с небольшим. Войдя в здание, старший тренер зашел к себе в кабинет, где оставил свой дипломат с документами и отправился напрямик в раздевалку, где в эти минуты хоккеисты рижского «Динамо» должны были переодеться и выйти на лыжный кросс, который сегодня должен был заменить им тренировку. Последняя была запланирована на завтра и должна была пройти во Дворце спорта в Риге, где и февраля рижанам предстояла важная игра – против одноклубников из Москвы. Той самой команды, в которой когда-то выступал их нынешний тренер Виктор Тихонов и где он на протяжении пяти лет был вторым тренером, помогая самому Аркадию Ивановичу Чернышеву. Месяц назад, в Москве, столичные динамовцы разгромили рижан 9:2 и теперь Тихонову предстояло настроить своих игроков на реванш, который был нужен им до зарезу – чемпионат катился к своему финишу и каждое очко было на вес золота. Рижане зани-

мали 5-е место, набрав 27 очков – столько же было у Воскресенского «Химика». А вот челябинский «Трактор» уже сумел оторваться от них на семь очков, но рижанам вполне по силам было догнать челябинцев и попытаться побороться с ними за бронзовые медали.

Подойдя к приоткрытой наполовину двери, Тихонов остановился, услышав громкие голоса спортсменов, которые о чем-то жаростно спорили. Как оказалось, они обсуждали позавчерашний матч ЦСКА – «Спартак» в Лужниках, а вернее, тот эпизод на 19-й минуте второго периода, который никого из болельщиков не оставил равнодушным. И хотя никто из хоккеистов рижского «Динамо» не видел воочию этого инцидента (они в это время сражались с «Химиком»), но вся хоккейная Рига уже сутки обсуждала этот инцидент, поэтому он был известен хоккеистам фактически до деталей.

– Гуреев сам виноват – завозился в углу площадки с шайбой и не смог вовремя сгруппироваться, когда на него налетел Александров – услышал Тихонов чей-то пассаж – кажется, это был Виктор Хатулев, который и сам частенько был жестковат с соперниками. К тому же он играл с Александровым в одной пятерке в молодежной сборной на двух чемпионатах мира в 1974 и 1975 годах. На последнем первенстве Хатулев приглянулся самим канадцам и был взят на драфт в НХЛ под 160-м номером. Но в Канаду его, естественно, не пустили.

– Как можно сгруппироваться, если тебя со всей дури толкают «шлагбаумом» в спину? – в этом возмущенном Тихонов узнал другого нападающего – Петра Воробьева. – И вообще, Александрова хлебом не корми, но дай подраться. Это еще с молодежки началось. Ты же сам, Витька, рассказывал, что он на молодежном чемпионате два года назад чуть ли не в каждом матче удалялся – когда на две минуты, а когда и на все десять.

– Зато он и голы забивал, – напомнил Хатулев. – В финальном матче с канадцами, который мы выиграли 4:3, две шайбы были Александровские.

– А я думаю, что Витька прав – хоккей сегодня становится все более жестким и чтобы идти в ногу со временем, надо быть готовым вести борьбу по всей «коробке», – в этом голосе Тихонов опознал защитника Михаила Бескашнова, который в команде считался главным «штрафником» – только в этом сезоне у него уже «набежало» почти 70 штрафных минут.

– Ты хочешь сказать, что надо идти в ногу с канадцами? – это снова Воробьев.

– Правильно мыслишь, Петро, с ними, – подтвердил догадку коллеги Бескашнов. – Борька Александров лучше всех в нашем хоккее умеет играть по-канадски. Это я тебе как защитник говорю.

– Махать кулаками и толкать исподтишка своего же брата-хоккеиста на борт большого ума не надо, – вступил в разговор новый участник – в нем Тихонов узнал нападающего Хельмута Балдериса. – Ведь еще неизвестно, чем эта история для Гуреева закончится – говорят, что унесли его на носилках без сознания.

В этот миг кто-то тронул Тихонова за плечо. Он обернулся, и увидел рядом с собой второго тренера команды Эвальда Грабовского.

– Доброе утро, Виктор Васильевич. Видать, сильно задел ребят этот инцидент, – произнес подошедший.

– А вас он не задел, Эвальд Артурович? – Тихонову было интересно услышать и мнение своего помощника.

– Само собой, и меня тоже, – не задержался с ответом Грабовский. – Но что правда, то правда – хоккей сегодня меняется, и жесткости в нем будет только прибывать. Интересно, возьмут после вчерашнего инцидента Александрова на чемпионат мира в Вену?

– Я бы не взял, – покачал головой Тихонов.

– Но вы же брали его во вторую сборную, да и в первую тоже – на Кубок Канады?

– А сегодня бы не взял. Вы не знаете, но у нас с ним с самого начала отношения не заладились. Я после первой же игры в составе второй сборной устроил ему разнос: отчитал за то, что он своих партнеров игнорирует – в пас не играет, да и в центр лезет постоянно, хотя

его место на левом фланге. Так знаете, что он мне сказал? Дескать, его так Тарасов научил – что самый короткий путь к воротам лежит через центр. Но Анатолия Владимировича уже пять лет как нет в сборной, столько воды утекло!

– Но Александров сейчас в лидерах у армейцев, да и в играх с канадцами на чемпионате мира может пригодиться.

– Вы преувеличиваете его потенциал. Да, он много забивает, но и на скамейке штрафников сидит столь же часто. И иной раз даже не поймешь, что у него получается лучше – голы забивать или удаляться с поля. Он ведь и на Кубке Канады забил всего лишь две шайбы и сделал три голевые передачи. И на призе «Известий» отметился одной забитой шайбой и всего одной передачей. И знаете почему? Его партнеры, видя, что он тянет одеяло на себя, частенько тоже игнорируют его на площадке. И так будет всегда, пока он сам не сделает должных выводов. Хоккеист он талантливый, но медные трубы вскружили ему голову. Судя по всему, в ЦСКА его некому приструнить, так сказать, спустить с небес на грешную землю.

– Ну, я думаю, там, наверху, позавчерашний инцидент без внимания не оставят. Наверняка, уже собрались и прикидывают, как с Александровым поступить, чтоб другим неповадно было так себя вести. Надо этим случаем и нам воспользоваться – приструнить кое-кого из наших архаровцев. Например, Бескашнова – парень явно идет на рекорд в чемпионате по удалениям за грубость. Да и Балдерису тоже не мешает внушение сделать. Его, кстати, снова вызвали в первую сборную – на чемпионат мира в Вену поедет.

– Откуда знаете?

– Только что из Москвы позвонили – предупредили, чтобы поберегли его.

– И чем только столичные чиновники думают, непонятно, – усмехнулся Тихонов. – Нам за место в тройке призеров предстоит бороться, а мы будем лучшего игрока беречь – его задницей скамейку полировать. Нет уж, Эвальд Артурович, никаких поблажек никому делать не будем.

Сказав это, Тихонов рывком распахнул дверь раздевалки и шагнул за порог.

9 февраля 1977 года, среда, Москва, квартира журналиста газеты «Ленинский призыв» Егора Красовского

Всю ночь прокувыркавшись в постели со своей возлюбленной, журналист Егор Красовский теперь спал так крепко, что даже не услышал громкой трели телефона, который стоял на прикроватной тумбочке. И проснулся Егор только после того, как его девушка, Анжела Белова, так саданула его локтем в бок, что он мгновенно открыл глаза и услышал наконец телефонные рулады.

– Да, я слушаю, – поднимая трубку, произнес Красовский.

– Ты почему трубку не берешь? Мало того, что тебя вторые сутки нельзя застать в редакции, так тебя еще и дома не добудишься, – бушевал на другом конце провода начальник журналиста – главный редактор газеты Игорь Дмитриевич Дегтяренко.

– Так застали же, – лениво отбрыкивался журналист.

– После того, как пять минут держал эту чертову трубку возле уха! – продолжал злиться главред. – Ты там не один, что ли?

– Не один, – признался Красовский.

– Понятно. Короче, слушай сюда. Сегодня «Советский спорт» напечатал большую заметку про Бориса Александрова. Про тот инцидент, что случился позавчера на матче ЦСКА – «Спартак». Статья называется «Удар в спину», в ней этому бандиту с клюшкой вlepили по первое число. Нам тоже надо родить нечто похожее. Статью на морально-нравственную тему, этаким очерк нравов.

– А кто герой? – поинтересовался журналист.

– Тебе что, уши заложило? Герой все тот же – Александров. Он сейчас идет нарасхват, поскольку личность колоритная, нетипичная. Распиши его «под хохлому» так, как ты умеешь – с копанием в биографии, с сочными деталями из прошлого и настоящего. Исследуй, как вышло так, что талантливый, в общем-то, спортсмен, превратился в настоящего хулигана, который позорит честь советского спорта. Порассуждай на тему, во что может превратиться наш советский хоккей, если в нем и дальше будут копировать худшие черты хоккея канадского. Уяснил? Тогда действуй! Материал должен лежать у меня на столе в понедельник.

Услышав в трубке короткие гудки, Красовский положил ее на аппарат.

– Кто это был в такую рань? – раздался из-под одеяла голос возлюбленной журналиста.

– Начальство работенку подбросило, будь оно неладно, – вытаскивая из пачки, лежавшей на тумбочке, сигарету, ответил Егор.

– Опять надо написать, как какой-нибудь «Молот» проиграл «Дизелисту»?

– Дура ты, Анжела, – беззлобно выругался Красовский, пуская струю дыма под потолок.

– Зато ты у нас умный, – девушка повернулась на другой бок – лицом к Егору. – Хорошо, пусть не про «Дизелист», а про «Спартак» – сути дела это не меняет.

– Не про «Спартак», а про Александрова.

– А кто это? – спросила девушка, которая хоть и встречалась уже около полугода со спортивным журналистом, но в спорте почти не разбиралась.

– Я же говорю – дура, – все так же беззлобно повторил Красовский.

– Чем ругаться, лучше бы рассказал, кто это такой, – без тени обиды попросила девушка.

Бросив на возлюбленную короткий взгляд, журналист сообщил:

– Борис Александров – игрок ЦСКА. Молодой, но очень талантливый – год назад он даже стал Олимпийским чемпионом. Но есть у него ахиллесова пята – невыдержанный он, драчливый. Вот и попадает в разного рода истории. Два дня назад, например, так толкнул во время игры своего соперника на борт, что тот потерял сознание и угодил в больницу. И мой главный теперь хочет, чтобы я написал про это статью.

– Он что, такой сильный, этот твой Александров, раз с одного удара человека в больницу отправил? – продолжала интересоваться Анжела.

– Во-первых, он не мой, а во-вторых – он ростом с тебя будет, но наглости в нем на десятилетия хватит.

– Симпатичный? – в голосе девушки послышались игривые нотки.

Вместо ответа Красовский встал с кровати и как был, нагишом и с сигаретой в зубах, отправился в другую комнату. Его не было около минуты. А когда он появился снова, то в руках держал вырванную страницу из какого-то журнала, на которой был изображен Александров. Подойдя к девушке, Егор молча протянул ей фотографию. Анжела взяла ее в руки, но прежде чем начать разглядывать, заметила:

– Ты бы прикрылся чем-нибудь, а то смущаешь – вместо фотки я буду смотреть на твое «хозяйство».

Красовский хмыкнул и надел плавки, лежавшие на полу. А Анжела в это время стала с интересом разглядывать фотографию Бориса Александрова, сделанную в прошлом году – сразу после победы советской сборной на Олимпиаде в Инсбруке.

– И правда, симпатичный, – подтвердила свою догадку девушка. – Сразу видно: на такого парня девки штабелями вешаются.

– Ты бы тоже повесилась? – спросил Красовский.

– А почему бы и нет? Симпатичный, знаменитый, да еще при деньгах.

Услышав это, Егор, который застегивал пуговицы на рубашке, внезапно застыл на месте.

– Слушай, а ведь это эврика! – воскликнул он в следующую секунду.

– Какая еще эврика? – удивилась девушка.

– Ну, идея, значит. А что если ты и в самом деле повиснешь у него на шее, и мы вместе с тобой сделаем расчудесный материал.

– У кого повисну, какой материал? – продолжала удивляться Анжела.

Вместо ответа Егор натянул на ноги штаны, затем взялся за носки. После чего подошел к девушке и присел рядом с ней на кровать.

– Анжелочка, послушай меня внимательно и не перебивай. Моя идея заключается в следующем. Дело в том, что у меня значительно меньше шансов вызвать на откровенность Александра, поскольку я не обладаю твоим прекрасным личиком, стройными ногами и грудью третьего размера. Поэтому я предлагаю следующее. Я свожу тебя с Борисом, ты его охмураешь, после чего вытягиваешь из него нужную мне информацию. Ну, типа, как он себя чувствует после позавчерашнего инцидента, как докатился до жизни такой, как собирается жить дальше. Короче, чем больше информации ты из него вытянешь, тем лучше. Моему очерку это будет только на пользу.

– То есть, ты хочешь сделать из меня шпионку? – до девушки, наконец, дошел смысл идеи ее возлюбленного.

– Я всегда говорил, что ты у меня умница, – и Егор нежно обнял девушку за плечи.

– Пять минут назад ты называл меня дурой, – напомнила журналисту его же собственные слова Анжела.

– Я жестоко ошибался. Иначе никогда бы не предложил тебе столь гениальную авантюру, которая по зубам только умной девушке.

– А если этот Александров начнет меня по-настоящему помогать? – без тени иронии спросила Анжела.

– Не спорю, такое вероятно, хотя он и женат. Но гусар он тот еще, поэтому за бабами увивается постоянно. Но ты ведь у меня комсомолка, девушка честных правил, чтобы не найти выхода из столь щекотливой ситуации.

– Ну и сволочь же ты, Егор! – воскликнула Анжела и, отбросив в сторону одеяло, вскочила с кровати. – Подкладываешь меня под первого встречного ради газетной статейки!

– Зачем же так грубо, милая, – Красовский схватил девушку за руки и силой усадил обратно на кровать. – Во-первых, он не первый встречный – он восходящая звезда советского хоккея. Во-вторых, с чего ты взяла, что я подкладываю тебя к нему в постель? От тебя требуется только охмурить его, войти к нему в доверие и выведать нужную информацию. Если дело дойдет до интима, то ты вправе вмазать ему по его знаменитой физиономии и заявить свое гордое «нет». Не станет же он тебя насиловать.

– Ты же сам говорил, что он невыдержанный.

– Так это он на льду такой.

– Тогда как же я его охмурую? – удивилась Анжела.

– А вот именно в этом и заключается вся интрига. Зная твой авантюрный характер, я и предположил, что только ты можешь увлечь известного мужчину, вскружить ему голову и, слегка поматросив, бросить. Чтобы затем снова оказаться в моих объятиях. Согласись, это высший пилотаж – пофлиртовать с одним, а отдаться другому.

– Дурак ты, – засмеялась Анжела и даже стукнула кулачком своего возлюбленного по спине. Но по этому смеху Красовский понял, что свою пассию он, кажется, уговорил.

– Итак, невеста согласна, теперь надо уговорить жениха, – перефразируя героя знаменитой «Кавказской пленницы», радостно произнес Красовский.

Он подбежал к телефону и, достав из тумбочки записную книжку, нашел в ней номер базы ЦСКА в Архангельском.

– Сейчас я позвоню на армейскую базу, а ты попросишь к телефону Александра.

– Но что я ему скажу? – удивилась Анжела.

– Скажи, что поклонница, что хочешь с ним встретиться в удобное для него время. Думаю, после недавнего инцидента его обязательно дисквалифицируют на несколько игр, так что времени для встреч у него будет предостаточно. А тут еще и стресс надо как-то снять. Так что красивая девушка как нельзя будет кстати.

Сказав это, Егор набрал нужный номер и спустя пару секунд передал трубку девушке.

– Позовите, пожалуйста, Бориса Александрова, – произнесла Анжела, едва ей ответили на другом конце провода. – Это его знакомая.

После этого девушка в течение нескольких секунд слушала своего далекого собеседника. Затем протянула трубку Егору. Тот приложил ее к уху, но в трубке раздавались короткие гудки.

– В чем дело? – спросил Красовский.

– Там сказали, что Александров несколько минут назад уехал в аэропорт «Домодедово». Егор положил трубку на аппарат и снова повернулся к девушке:

– Ты чего стоишь – одевайся. Мы едем в аэропорт.

9 февраля 1977 года, среда, Москва, Федерация хоккея СССР

На столе председателя Федерации хоккея СССР Николая Кузьмича Королькова лежал свежий номер газеты «Советский спорт», где была опубликована статья журналиста Дмитрия Рыжкова «Удар в спину», посвященная недавнему инциденту на матче ЦСКА – «Спартак». Генерал-майор Леонтий Скурлатов и Павел Кондратьев, пришедшие к Королькову на совещание, усаживаясь в свои кресла, сразу обратили внимание на этот номер газеты и поняли, о чем пойдет сейчас речь. И не ошиблись. Положив ладонь на газету, Корольков, на правах хозяина, заговорил первым:

– Уверен, что сегодняшнюю статью про Бориса Александрова вы уже прочитали. Поэтому спрошу прямо: какие выводы пришли в ваши светлые головы?

– Какие могут быть выводы, Николай Кузьмич? – удивился Скурлатов. – Вчера в ЦСКА было собрание, которое приняло решение наказать Александрова дисквалификацией на три игры. Если позволит себе подобное еще раз, будем ставить вопрос о переводе его в дочерний клуб – в СКА МВО.

– Что-то больно мягкое вы выбрали для него наказание, Леонтий Ильич, – не скрывая своего сарказма, встретил это сообщение Кондратьев. – Надо было до конца сезона отстранить этого хулигана от игр, в противном случае его мозги вряд ли успеют встать на место. Вы читали, что написано в статье? Это же форменная шпана, только вместо кепки-малокозырочки на его голове красуется хоккейный шлем.

– Журналист явно сгустил краски, он это делать умеет, – не согласился с мнением чиновника из Спорткомитета генерал-майор. – Александров игрок талантливый, но немного горячий в силу своего молодого возраста. В пылу борьбы не рассчитал свои силы – с кем не бывает? Я думаю, он уже сделал правильные выводы и ничего подобного больше не совершит. Он и вчера на собрании об этом объявил перед всей командой.

Сказав это, Скурлатов перевел взгляд на хозяина кабинета, как бы ища у него поддержки. Корольков, который все это время внимательно следил за перепалкой своих гостей, как будто ждал этого момента. И тут же вступил в разговор:

– Я пригласил вас, друзья, не столько для того, чтобы поговорить об Александрове, сколько обсудить с вами ситуацию, которая складывается сегодня в нашем хоккее. Тревожная, прямо вам скажу, ситуация. Ведь дело не только в одном Александрове, а во многих наших молодых хоккеистах, которые стали слепо копировать самые неприглядные стороны канадского хоккея. Я имею в виду его грубость. Видимо, отдельным нашим игрокам не дает покоя слава Кувалды Шульца, о котором, кстати, совсем недавно так убедительно писал наш еженедельник «Футбол-Хоккей». Надеюсь, вам знакома эта публикация?

По лицам своих собеседников Корольков понял, что об упомянутой заметке они знали не понаслышке. В статье рассказывалось о той волне насилия, которая обрушилась на НХЛ с середины 70-х, а главными зачинщиками этой волны была команда «Филадельфия флайерз», которую сами же канадцы прозвали «бандой убийц». А главным убийцей в ней был упомянутый Дэйв Шульц по прозвищу Кувалда. В одном из своих интервью он честно признался, что предпочитает на льду драться, а не забивать шайбы. В сезоне 1974/1975 Кувалда установил антирекорд НХЛ – заработал 472 минуты штрафного времени. А его команда отличилась тем, что только за один матч набрала 194 штрафные минуты – еще один антирекорд НХЛ. Все это четко вписывалось в тактику, которую выбрал для «Флайерз» их тренер Фред Широ, прямо призывавший своих «головорезов»: «Ребята, чем больше разрушений – тем лучше». Эта тактика запугивания приносила свои плоды. Благодаря ей «Филадельфия флайерз» два года подряд завоевывала Кубок Стэнли, а в январе 1976 года с помощью все той же грубой силы сломила сопротивление ЦСКА на своем поле и победила со счетом 4:1. В итоге, чтобы не отставать от «Филадельфии», ее тактику грубой силы стали перенимать и другие канадские команды.

Нельзя сказать, что спортивные чиновники в СССР смотрели на эти события отстраненно. Здесь тоже понимали, что рано или поздно эта волна может добраться и до Союза. Поэтому еще в 1971 году было принято решение разрешить советским хоккеистам в первенстве СССР вести силовую борьбу по всей площадке. Однако одно дело силовая борьба в рамках правил и совсем другое дело – грязная игра, грубость. Ее допускать никто не собирался. Но она исподволь начала торить себе дорогу и в советском хоккее, что вызывало неоднозначную реакцию в спортивных верхах. Одни чиновники от спорта считали, что нам надо учиться жесткому хоккею, чтобы уметь противостоять канадцам, другие думали иначе – что силовая борьба не должна превалировать над комбинационной, чем так всегда славился советский хоккей. Собственно, представители двух этих направлений и собрались в кабинете у Королькова.

– Не хотите ли вы сказать, Николай Кузьмич, что Александров примеряет на себя корону Кувалды Шульца? – спросил Скурлатов.

– Есть такое подозрение, Леонтий Ильич, – не скрывая своей озабоченности, ответил Корольков, и добавил: – У вас в ЦСКА в последнее время вообще в этом плане сложилась нездоровая обстановка. А, учитывая, что ваш клуб является флагманом нашего хоккея...

– В каком смысле нездоровая? – не дал договорить председателю Федерации Скурлатов.

– В самом прямом – вы стали самой грубой командой в нашем первенстве. Вот тут мне мои помощники подготовили кое-какие выкладки, которые я хочу вам продемонстрировать, – сказав это, Корольков извлек из ящика стола документ, который положил перед собой и, глядя в то, что там было написано, продолжил: – Здесь приведены данные за последние пять лет, начиная с сезона 1972/1973 годов. Эти цифры весьма четко рисуют следующую картину. Если до этого в нашей высшей лиге количество всех штрафных минут, набранных командами за один сезон, едва превышало две тысячи, то уже через два года эта цифра перевалила за три тысячи штрафных минут. При этом за пять минувших сезонов лидером по этим показателям является ЦСКА, который «наседел» на скамейке штрафников более полутора тысяч минут. Далее идут «Крылья Советов», у которых 1400 минут, «Спартак» с чуть меньшим результатом, рижские и столичные динамовцы. Причем рижане умудрились заработать эту цифру за четыре сезона.

– Но причем здесь Борис Александров? – вновь подал голос Скурлатов. – Насколько мне известно, он по своим штрафным минутам никак не тянет на рекорд Кувалды Шульца.

– Да, вы правы, Леонтий Ильич, ваш Борис за пять сезонов «наседел» всего-то 115 минут – в среднем, это около 25 минут за сезон, – согласился с генералом Корольков. – Но у вас есть другой герой, сравнимый с Кувалдой – Владимир Петров. Этот хоккеист единственный, кто на протяжении пяти последних сезонов неизменно входил в десятку самых отъявленных штрафников. За это время он набрал... – председатель Федерации на секунду прервал свою

речь, чтобы сверится с точной цифрой, после чего продолжил: – набрал 229 штрафных минут, что в среднем равняется 46 минутам за сезон. Это очень много по нашим меркам.

– Но Петров лучший центральный нападающий ЦСКА и сборной! – снова возразил докладчику Скурлатов. – Он свои штрафные минуты компенсирует голами. В вашем документе эта цифра фигурирует?

– Естественно, вот она: Петров за пять сезонов забил 116 шайб. Но речь-то идет о другом. О том, какой пример подает Петров молодым хоккеистам – тому же Александрову. А это дурной пример.

– Это все демагогия, Николай Кузьмич, – не скрывая своего раздражения, воскликнул Скурлатов. – Когда в прошлом году Петрова не взяли на чемпионат мира в Катовице, мы проиграли турнир, уступив даже полякам. Он тот самый вожак, который ведет за собой всю команду.

– Совершенно верно, Леонтий Ильич, – в разговор вступил Кондратьев, который все это время с интересом следил за дискуссией. – Ваш Петров действительно возомнил себя не то вожаком, не то полубогом, но возникает вопрос: в правильном ли направлении он ведет свою, так сказать, стаю? Если мне не изменяет память, когда три года назад вы в финальном матче первенства страны встречались с «Крылышками», Петров заявил самому Анатолию Владимировичу Тарасову, что тот ни черта не понимает в хоккее и отказался выходить на лед в третьем периоде. Прямо на глазах у всей команды переоделся в гражданскую одежду и не стал продолжать игру. Вы тогда, кажется, проиграли 4:6 и упустили золотые медали. Разве настоящие вожаки так поступают? Вы там в ЦСКА совершенно распустили отдельных хоккеистов, что вам и пытаются втолковать Николай Кузьмич.

– А взять, к примеру, матч годичной давности в Лужниках между ЦСКА и «Химиком», – поддержал Кондратьева хозяин кабинета. – Там уже отличился не только один Петров, заработавший сразу два двухминутных штрафа за грубые пререкания с судьей, но и другой ветеран – Владимир Викулов. Его дважды удаляли на пять минут за недостойное поведение. Глядя на них, не отставала и ваша молодежь – тот же Александров и Жлуктов, партнеры Викулова по звену, которых судьи тоже наградили штрафами. Об этом безобразном поведении даже написала наша печать. Кстати, именно после этого скандала Петрова и Александрова не вызвали на сборы в Новогорск, где наша сборная готовилась к чемпионату мира в Катовице.

– Вы хотите, чтобы они и в этом году пропустили мировое первенство? – искренне возмущился Скурлатов. – В тот самый год, когда на кону наше возможное второе подряд поражение на этом престижном турнире? Когда там впервые будут играть канадские профессионалы? Да вы с ума сошли!

– Леонтий Ильич, я бы попросил вас выбирать выражения, – жестко отреагировал на этот демарш председатель Федерации.

– Да какие, к черту, могут быть у меня выражения, когда вы хотите угробить наш хоккей. Вы будто тот страус, который зарывает свою голову в песок. Вы что не видите, куда все движется? Силовая борьба в хоккее занимает все больше места и вместо того, чтобы учить наших хоккеистов этому компоненту игры, вы собираетесь бить по рукам именно тем игрокам, кто умеет это делать.

– Мы не против силовой игры, мы против откровенной грубости, – подал голос Кондратьев. – Вы забываете, в какой стране мы живем – в социалистической. Мы строим гуманистическое общество, где спорт должен воспитывать гармонично развитого человека – как духовно, так и физически. А какая может быть гармония, когда спорт превращается в бой гладиаторов. На таких боях звереют все – как спортсмены, так и зрители.

– Но мы не сможем жить в вакууме, поскольку мир стремительно меняется, – Скурлатов повернулся к оппоненту, всем телом подавшись вперед. – Надо уметь приспособливаться. Я тоже против боев гладиаторов, но если нам будут навязывать игру на грани фолла, мы должны адекватно на это реагировать. Петров, Александров, Гусев, Васильев, Цыганков или тот же

Коротков из «Спартака» – все они не боятся вести силовую борьбу и, если надо, могут и в зубы дать, защищая честь своей страны.

– Увы, но пока они дают в зубы своим же коллегам-соотечественникам из других команд, – вновь вступил в разговор Корольков.

– Наговариваете вы на нас, Николай Кузьмич, – продолжал защищаться Скурлатов. – Два года назад ЦСКА, действительно, был в лидерах по нарушениям – набрал 405 минут штрафного времени, обогнав все команды. Но последние два года в лидерах по штрафным минутам ходят другие команды – «Крылья Советов», рижское «Динамо».

– Но последний-то вопиющий случай произошел именно с хоккеистом вашего клуба, а вы его так яростно защищаете, – вновь напомнил генералу историю с Александровым Кондратьев.

– Вы, Павел Сергеевич, тоже не без греха, – Скурлатов опять повернулся к Кондратьеву. – Вспомните, как осенью 73-го Спорткомитет защищал Вячеслава Анисина и Александра Бодунова, которые вляпались в грязную историю в Саратове. «Крылышки» тогда проводили товарищеские матчи с местным «Кристаллом», но что получилось? Гости устроили настоящее побоище на льду, когда поняли, что первую игру им не спасти – саратовцы вели, кажется, 7:0. А перед следующим матчем Анисин был задержан перед стадионом в пьяном виде и препровожден в отделение милиции. Вы же сами, Николай Кузьмич, ходатайствовали перед Спорткомитетом, чтобы Анисина лишили звания заслуженного мастера спорта, а Бодунова – мастера спорта международного класса. Но товарищ Игнатов и его коллеги эту идею не поддержали. А сегодня вы почему-то стали кровожадными и жаждете крови Бориса Александрова. Почему? Не потому ли, что он защищает цвета ЦСКА?

– Оставьте ваши подозрения при себе, – возмущенно отреагировал Кондратьев. – А что касается Анисина и Бодунова, то мы дали им возможность исправиться, что они всем и продемонстрировали: стали в следующем сезоне чемпионами страны, а также чемпионами мира и Европы. Оба в «Крылышках» стали лучшими бомбардирами, забив каждый порядка двадцати шайб. И на скамейке штрафников почти не появлялись.

– Тогда почему вы не хотите предоставить такую же возможность Александрову?

– Потому что это совершенно другой случай. Там болезнь зашла слишком далеко, причем виной этому тот микроклимат в ЦСКА, о котором правильно сказал Николай Кузьмич. Вам надо задуматься над тем, как этот микроклимат изменить, а вы нам рассказываете о тенденциях в мировом хоккее. Запомните, никогда наш хоккей не пойдет на поводу у канадского. Наоборот, это он будет двигаться в русле советского хоккея с его красивой комбинационной игрой. И вашему Александрову, который является приверженцем канадского стиля, никогда не получится ужиться в нашем хоккее. Он его попросту отторгнет.

– Пока я вижу, что Александрова отторгает не наш хоккей, а конкретные люди им руководящие, – сказав это, Скурлатов отвернулся от собеседника, тем самым показывая, что спорить дальше на эту тему он не намерен.

Однако последнее слово должно было остаться за хозяином кабинета, который и затеял весь этот разговор. И Корольков свое слово сказал:

– Федерация хоккея будет выходить с предложением собрать расширенное совещание с участием Спорткомитета и руководителей клубов с тем, чтобы обсудить проблему грубости в нашем хоккее. Сегодняшняя дискуссия в очередной раз убедила меня в том, что такое совещание нам необходимо. Поэтому попрошу довести это сообщение до сведения своих подчиненных. Всего вам хорошего.

9 февраля 1977 года, среда, аэропорт «Домодедово»

Всю дорогу до аэропорта Красовский гадал, зачем Александрову понадобилось ехать в «Домодедово». В итоге самое путное, что ему пришло в голову – хоккеист либо собрался кого-

то встречать, либо, наоборот, провожать. На самом деле все было не так – Александров выступал в роли... отъезжающего, вернее, вылетающего. Отстраненный на три календарные игры, хоккеист решил сменить обстановку – съездить на родину, в Усть-Каменогорск, навестить мать и своих друзей, с которыми когда-то играл в местном «Торпедо». Когда он обратился с этой просьбой к тренеру ЦСКА Константину Локтеву, тот сначала удивился:

– У тебя же жена вот-вот должна родить?

– Должна, – согласился хоккеист. – Но там за ней ее родители присматривают, а у меня на родине мать одна осталась. Да и развеяться мне надо после того, что случилось.

– Ну, если так – езжай, – развел руками тренер и отпустил хоккеиста из команды. Он, как никто понимал, что в той ситуации, в какую угодил его подопечный, смена обстановки пойдет ему только во благо.

Александров без проблем добрался до аэропорта и выяснил, что ближайший рейс до Усть-Каменогорска будет через три часа. Купив в кассе билет, он приобрел в киоске «Союзпечать» газету «Советский спорт» и сел на лавочку, надеясь скоротать здесь время до начала регистрации на рейс. Но едва он развернул газету, как его взгляд тут же наткнулся на статью под броским заголовком «Удар в спину». Едва пробежав глазами первые строчки этой публикации, Александров понял – это про него. Открывалась статья с тех самых слов, что он вчера слышал на собрании в Архангельском – про довоенную московскую шпану в кепках-малокочерочках, которая давно должна была почить в бозе, однако, по мнению автора статьи, перекочевала под своды Дворца спорта в Лужниках в виде хоккеиста Бориса Александрова. А ведь как хорошо когда-то все начиналось...

Ретроспекция. Июль 1973 года, Архангельское, база ЦСКА

Александрова привез из Усть-Каменогорска Анатолий Фирсов, который был помощником Анатолия Тарасова. Когда они приехали на базу ЦСКА, вся команда сидела в холле и смотрела телевизор. Шел фильм «Кавказская пленница». Но когда на пороге базы появились Фирсов и Александров, головы всех игроков повернулись в их сторону.

– А это что за шибздик? – вырвалось у кого-то из игроков при виде новичка.

Александров и в самом деле выглядел как ребенок – небольшого росточка, щуплый. А тут еще он инстинктивно съезжился, увидев такое скопление звезд в одном месте, что и вовсе стал похож на карлика. Короче, встреча получилась не самая радостная.

– Это не шибздик, а ваш новый товарищ – Борис Александров. Прошу любить и жаловать, – представил новичка команде Фирсов.

Сказав это, он ушел докладываться Тарасову, а Александров так и остался стоять посреди холла. Так бы он и стоял до конца фильма, если бы не Харламов, который подошел к нему и, протянув ладонь для приветствия, сказал:

– Ну, давай, знакомиться, Борис.

После чего повел Александрова к своему месту у телевизора.

– Ты, Валера, никак шефство берешь над этим шибздиком? – не унимался все тот же игрок, который первым отреагировал на появление новичка.

– А ты забыл, каким я был десять лет назад – таким же шибздиком. Меня Тарасов даже в Чебаркуль сослал, – усаживая Александрова на стул, ответил Харламов.

– Ты хочешь сказать, что это шибздик будет вторым Харламовым?

– Может, даже первым, – парировал заступник новичка.

– Да его завтра на тренировке любой из наших защитников по бортику как масло по хлебу размажет.

– Вот завтра и посмотрим.

– Правильно, Валерий, – в холле появился старший тренер ЦСКА Анатолий Тарасов собственной персоной. – Завтрашняя тренировка нам и покажет, кто здесь шибздик, а кто настоящий хоккеист. Досматриваем фильм и отбой. Завтра с утра все должны быть свеженькими, как огурчики.

На утренней тренировке вся команда уже вышла на лед, а Александров все еще переодевался. Новая форма под номером 23, которую ему выдали, была ему слегка великовата, вот он и задержался, пытаясь приладить ее под свою фигуру. В этот миг в раздевалку вошел Тарасов.

– Вы чего это, молодой человек, форму на себе приглаживаете, как будто барышня перед зеркалом? – грозно насупив брови, спросил тренер. – Это хоккейный ЦСКА, а не женская команда по фигурному катанию. А ну-ка марш на лед!

Схватив клюшку, Александров засеменил к выходу. Но у дверей Тарасов его перехватил – взял за локоть и уже другим тоном, более мягким, произнес:

– Ты, мальчик, не волнуйся и покажи этим зазнайкам, что ты умеешь. И, главное, никого не бойся.

Когда Александров выкатился на лед, вся команда, совершавшая разминочное катание, остановилась и уставилась на новичка.

– Мальчик, ты не ошибся – здесь не «Золотая шайба», здесь взрослые дяди катаются, – опять сострил все тот же игрок, который шутил вчера в холле.

– Вот, Владимир, ты и докажи, что здесь не дети, а дяди тренируются, – подал голос Тарасов. – Владик на ворота, Владимир в защиту, а наш новичок покажет нам, на что он способен.

После этого вся команда отъехала к бортику, предвкушая увлекательное зрелище – как их рослый защитник размажет по бортику этого новичка-шибздика. Александров выкатился на центр, куда ему выбросили шайбу и стал ждать свистка Тарасова, чтобы начать штурм ворот. Его била нервная дрожь, чему он был немало удивлен – ничего подобного с ним еще не бывало. Впрочем, повод для такого особенного состояния сегодня все-таки был.

Наконец раздалась трель тренерского свистка, и Александров, ударом крюка пробросив себе на ход шайбу, двинулся к воротам. Защитник стоял у синей линии не шелохнувшись и молча наблюдал за тем, как к нему приближается новичок. А когда расстояние между ними сократилось до двух метров, защитник резко рванул вперед и ловким ударом клюшки выбил шайбу из-под крюка Александрова, после чего пригнулся, развернул корпус вполоборота и поймал новичка на силовой прием. Перелетев через спину защитника, тот рухнул на лед, выпустив из рук клюшку. Этот кульбит большинство игроков ЦСКА встретило дружным смехом и улюлюканьем.

Поднявшись на ноги, Александров подобрал клюшку и покатился к дверце бортика, полагая, что после такого позора места в команде ему уже никто не предоставит.

– Молодой человек, разве я вас отпускал? – услышал новичок грозный окрик Тарасова. – А ну-ка, подъедте ко мне.

Александров повиновался. Едва он оказался рядом с тренером, тот наклонился к нему и, сменив свой грозный тон на более ласковый, сказал:

– Дурачок, ты чего лезешь напролом? Это же один из лучших наших защитников, его так не переиграешь. Ты его хитростью возьми. Разве тебя в Усть-Каменогорске этому не учили? Вот и докажи, что вы там не балетом занимаетесь, а в настоящий хоккей играете.

Упоминание родного города мгновенно преобразило Александрова. Даже мелкая дрожь, которая била его все это время, куда-то улетучилась. Ему вдруг стало так легко, как обычно бывало в те моменты, когда надо было решить судьбу матча всего лишь одним точным броском. В такие мгновения к нему приходила фантастическая концентрация, когда он отсекал от себя все постороннее на льду, оставляя в поле зрения лишь шайбу и ворота противника. Расправив плечи, Александров поехал к центру поля. Теперь в его движениях чувствовалась уверенность, а в глазах появилась настоящая спортивная злость. Он решил биться насмерть

и, если и проиграть, то не с таким позором, после которого худая молва о хоккейном Усть-Каменогорске разнеслась бы по всей Москве.

Снова раздалась трель тарасовского свистка, и Александров толкнул шайбу впереди себя. Защитник замер на том же месте, что и раньше, видимо, надеясь проделать с новичком тот же трюк. Во всей его позе чувствовалась этакая вальяжность. Но в этот раз все вышло по-другому. Не добежав до защитника двух метров, Александров совершил резкий маневр вправо, на который его противник мгновенно отреагировал таким же движением в том же направлении. Однако в долю секунды Александров сменил ход атаки и сделал рывок в обратную сторону, ловко пробросив шайбу себе между ног и поймав ее на другом конце фланга, чтобы обогнуть защитника с левого бока. Тот увидел этот маневр и перестроил корпус в правую сторону, пытаясь клюшкой дотянуться до шайбы. Но в этот миг Александров снова сместил корпус вправо, а шайбу неуловимым движением крюка послал под левый конек, чтобы в следующее мгновение тот снова переправил ее ему точно на крюк. Все происходило так стремительно, что времени на правильную реакцию у защитника не осталось и он, пытаясь перестроиться слева направо, вдруг засеменя коньками, споткнулся и... рухнул спиной на лед. После этого дорога к воротам оказалась открытой. Александров, не сбавляя скорости, сблизился с вратарем и, сделав несколько обманных финтов крюком, точно послал шайбу в незащищенный ловушкой правый угол. Сделать это ему было нетрудно, поскольку клюшку он держал непривычным для вратаря правым хватом.

9 февраля 1977 года, среда, аэропорт «Домодедово»

Углубившись в чтение газетной статьи, Александров не заметил, как недалеко от него, у того самого киоска «Союзпечати», где он купил газету, остановились двое людей – молодой человек и девушка. Это были Егор Красовский и Анжела Белова, которые несколько минут назад приехали в аэропорт и без труда обнаружили в зале ожидания хоккеиста. Указав на него своей спутнице, журналист стал вслух размышлять о том, как Анжеле следует подойти к Александрову и ненавязчиво затеять с ним разговор.

– Ты главное не волнуйся, твоя красота сама заставит обратить его на тебя внимание.

– Но прежде чем начать торговать своей красотой, мне нужно ему хоть что-то сказать, – резонно заметила девушка.

– Подойди к нему и скажи: «Ваше лицо мне кого-то напоминает. Вы случайно не артист?» Вряд ли он захочет скрыть свое инкогнито, понимая, что только раскрыв его он сможет заинтересовать такую красавицу. Хотя подожди... – Красовский схватил за локоть девушку, которая уже собиралась идти к хоккеисту.

Молодые люди заметили, как Александров, до этого внимательно читавший газету, оторвал от нее глаза и, откинув голову назад, стал прислушиваться к разговору двух мужчин, которые сидели на лавке прямо за его спиной.

– Видишь, как внимательно он слушает разговор этих двоих? – спросил Егор свою спутницу. – Хочешь я угадаю, о чем говорят эти мужики?

– О чем? – не скрывая своего любопытства, спросила Анжела.

– Они наверняка обсуждают сегодняшнюю статью в «Советском спорте», где речь идет об Александрове. А он эту статью как раз сейчас и читает. Если это так, то нам повезло – повод для знакомства найден.

Егор оказался прав – хоккеист и в самом деле услышал за своей спиной разговор двух мужчин, которые, сидя на скамейке, обсуждали ту же самую статью в «Советском спорте», которую он в эту минуту читал. Александров оторвался от газеты и целиком сосредоточился на разговоре неизвестных.

– Хорошо врезали этому Александрову – давно пора. Совсем парень совесть потерял, перепутав спортивную площадку с подворотней, – вещал один из мужчин.

– Еще один моралист выискался, – возразил собеседнику его оппонент. – А ты забыл, что в песне поется: «В хоккей играют настоящие мужчины, трус не играет в хоккей». Александрова даже канадцы признали самым смелым нашим хоккеистом.

– Какая там к черту смелость – своего же товарища в спину толкать. Гнать надо из спорта таких «смельчаков», – не унимался первый спорщик.

– Да мало ли что в игре может случиться?! Ну, не рассчитал маленько свои силы, ну, толкнул на борт. А этот журналист сразу в крайность: мол, шпана, ушел с поля, не извинившись. Да я уверен, что Александров уже на следующий день нашел Гуреева и попросил у него прощения. Этим газетчикам лишь бы сенсацию сотворить, а до правды им и дела нету.

– Этот парень явно подхватил звездную болезнь, а с таким диагнозом прощения ни у кого не просят, – продолжал стоять на своем первый спорщик.

– Как же вам не стыдно думать так о людях, – услышал Александров приятный женский голос, который внезапно вмешался в спор двух мужчин. Хоккеист даже специально повернулся вполоборота, чтобы лучше разглядеть незнакомку. То, что он увидел, его изрядно поразило – напротив спорщиков стояла очень симпатичная блондинка в стильном импортном пальто с меховым воротником.

– А вы кто, собственно, такая? – поинтересовался первый спорщик, который был явно обескуражен тем, что какая-то молодая особа встряла в их разговор о хоккее.

– А какая вам разница, кто я такая. Просто я шла мимо и случайно услышала фамилию Александрова. А его сегодня только ленивый не пинает ногами, обвиняя во всех грехах. Вот и вы туда же, уважаемый.

– Вы ему случайно не родственница? – продолжал допытываться первый спорщик.

– Я ему такая же родственница, как и вы. Но повторяю вам еще раз – нельзя так категорично судить о людях, отталкиваясь от одной лишь газетной заметки. Вот ваш товарищ это понимает, а вы нет.

– Мой товарищ лицо заинтересованное – он болеет за ЦСКА. Как и вы, судя по всему.

– Я болею за «Трудовые резервы», – голосом, полным сарказма, произнесла девушка.

Мужчины от души рассмеялись этой шутке своей собеседницы. В это время звонкий женский голос объявил по громкой связи о регистрации на рейс до Хабаровска. Мужчины тут же вскочили со своих мест и, извинившись перед незнакомкой, поспешили к стойке регистрации. Следом за ними собралась было отправиться по своим делам и девушка, но Александров не дал ей этого сделать. Поднявшись со своего места, он шагнул к красавице и спросил:

– Девушка, вы не хотите познакомиться с человеком, которого так энергично только что защищали?

Анжела Белова, а это была именно она, смерила хоккеиста пристальным взглядом и предположила:

– Судя по всему, вы хотите воспользоваться тем, что я этого Александрова в глаза никогда не видела.

– Откуда же вы про него знаете?

– Сегодня все мужчины на нем помешались – в автобусе я слышала такой же яростный спор об этом человеке.

– И тоже встали на его защиту?

– Нет, удержалась. А вы правда тот самый Александров?

Чтобы развеять последние сомнения девушки, хоккеист достал из внутреннего кармана своей роскошной дубленки паспорт и развернул его перед незнакомкой.

– Как тесен мир, – всплеснула руками девушка и представилась:

– Анжела.

После чего добавила:

– Паспорт показать? – и ее рука потянулась к красивой кожаной сумочке, купленной в магазине «Ванда».

Александров от души рассмеялся этой шутке – девушка ему явно нравилась.

– Что привело вас в аэропорт? – возвращая документ на прежнее место, спросил Александров.

– Встречаю подругу – она должна прилететь из Симферополя. А вы тоже кого-то ждете?

– Нет, я улетаю.

– Куда, если не секрет? – поинтересовалась Анжела.

В этот самый миг тот же женский голос по громкой связи объявил о начале регистрации на рейс до Усть-Каменогорска. Заметив, как потянулась к спортивной сумке, стоявшей на скамейке, рука хоккеиста, девушка тут же обо всем догадалась.

– Бежите от разъяренной толпы? – спросила она.

– Да, знаете, хочу съездить на родину – туда, где меня не будут упрекать в звездной болезни.

– В таком случае, желаю вам удачи, – стараясь, чтобы ее голос был бодрым, произнесла Анжела.

На самом деле она была обескуражена таким ходом событий и не знала, что ей теперь предпринять. Вдалеке, за спиной Александрова, она видела, стоявшего у киоска «Союзпечати» Егора Красовского и мысленно представляла его скорое разочарование от того, что их миссия ни к чему не привела.

– Не хотите оставить мне свой адрес? – первым прервал молчание Александров.

– Зачем?

– Когда вернусь, приглашу вас куда-нибудь.

– А когда вы вернетесь?

– Думаю, до конца недели управлюсь.

– Боюсь, к тому времени я уже буду занята другим.

Анжела рассчитывала на сиюминутный эффект от своего знакомства с хоккеистом, но вовсе не предполагала, что общение с ним растянется на неделю, а то и больше. Ведь материал Егору надо было раздобыть как можно скорее.

– В таком случае, приятно было познакомиться, – смущенно улыбаясь, произнес Александров и, перекинув ремень сумки через плечо, отправился к стойке регистрации.

Когда Анжела подошла к Егору, тот первым делом спросил:

– Куда он направился?

– Регистрироваться на рейс до Усть-Каменогорска.

– Японский бог! – в сердцах воскликнул журналист. – Когда вернется?

– В конце недели.

– Значит, плакала моя статья.

– Черт с ней с этой статьей, лишь бы ты не плакал, – беря Егора под локоть, произнесла Анжела.

– Ты не понимаешь, как мне нужна эта публикация. Это же такой благодатный материал! И ведь так здорово все устроилось – он даже ни о чем не заподозрил. Ах, как жаль, что все так глупо расстроилось.

– Тебе действительно так нужна эта чертова статья? – отпуская руку Егора, спросила Анжела.

– Стал бы я затевать эту авантюру, если бы мне было все равно. Да и шефу уже обещал.

– Но что ты предлагаешь: бежать к нему, упасть в ноги и попросить сжалиться – прямо здесь дать тебе интервью?

– Ну, откуда я знаю, что делать? – развел руками Егор. По его лицу было видно, что он в отчаянии.

Какое-то время они молчали, думая каждый о своем. Наконец, первой прервала молчание Анжела. Голосом, полным решимости она внезапно объявила:

– Хорошо, идем к кассе за билетом.

– Каким билетом? – Егор уставился на девушку изумленным взором.

– До Усть-Каменогорска, – без тени улыбки на лице ответила девушка. – Я полечу вместе с ним. Постараюсь смягчить его сердце прямо у него на родине – разузнаю все секреты и попытаюсь побыстрее вернуть его назад.

– Я не верю своим ушам, – Егор схватил Анжелу за плечи и заглянул ей в глаза, пытаясь понять – шутит она или говорит серьезно.

– Если ты будешь продолжать рассматривать меня, в кассе могут кончиться билеты.

– Но как ты объяснишь ему свою поездку?

– Я надеюсь не попадаться ему на глаза до самого Усть-Каменогорска, а там буду действовать по обстановке. Не станет же он прогонять от себя девушку, которая прилетела в его город вслед за ним?

– Но как быть с твоей работой?

– У меня есть парочка отгулов. Тебе только надо позвонить Светке Негоде и предупредить ее о моем отъезде. Причину его придумай сам.

– Ты золото, Анжелка! – Егор от души обнял девушку, после чего они вдвоем бросились в кассу покупать билет до Усть-Каменогорска.

9 февраля 1977 года, среда, Москва, Спорткомитет СССР

В середине дня старшего тренера сборной СССР по хоккею Бориса Павловича Кулагина вызвали в союзный Спорткомитет. Спустя час он уже припарковал свою «Волгу» на стоянке в Скатертном переулке и, прихватив из машины кожаный дипломат, вошел в здание Спорткомитета. Он направлялся к лифту, когда в вестибюле буквально лицом к лицу столкнулся с журналистом Дмитрием Рыжковым, чью статью «Удар в спину» он прочитал пару часов назад. Причем статья увлекла его настолько сильно, что он «проглотил» ее, не поднимаясь в квартиру – прямо у почтового ящика. И вот теперь автор этой публикации стоял перед ним и крепко сжимал его ладонь в своей.

– Куда торопимся, Борис Павлович? – поинтересовался журналист, после того как они обменялись рукопожатиями.

– Спешу к Кондратьеву на предмет товарищеских игр сборной.

– Опять полетите в Скандинавию за финскими дубленками? – не скрывая иронии, предположил Рыжков.

– Лично у меня дубленка уже есть – только что сдал ее в гардероб, – с серьезным выражением лица ответил Кулагин.

– С составом уже определились?

– Рано еще, но костяк сформирован.

– Сенсации будут?

– Обязательно. Вот, например, хочу взять туда Бориса Александрова.

– Шутите? – секунду назад улыбочное лицо журналиста стало серьезным.

– Один ноль в мою пользу, – теперь уже настала очередь тренера улыбнуться. – Как я могу взять в сборную Александрова после того разноса, что ты устроил ему сегодня в «Советском спорте»? Я же не самоубийца.

– А если бы статья не появилась, то вы бы его, конечно, взяли?

– И тогда бы не взял, хотя на меня со всех сторон нападают: дескать, почему не обкатываете молодежь? Вот и ты, кстати, тоже неоднократно об этом писал. Даже, помнится, пострадал за это.

Кулагин имел в виду историю, когда Рыжков выступил на страницах «Советского спорта» с критикой по адресу руководства сборной СССР, которая формирует команду в основном из игроков трех московских клубов, игнорируя талантливую молодежь, играющую на периферии. За этот выпад журналиста сделали невыездным – посылать за границу на различные турниры его перестали.

– Я и сейчас стою на том же – не видите вы перспективную молодежь с окраин, – повторил свой прежний тезис Рыжков. – Небось, и в этот раз насобирали игроков только из Москвы?

– Не дави на мозоль, Дмитрий, мне еще с Кондратьевым предстоит говорить, – взмолился Кулагин.

– Кондратьев – чиновник, и вряд ли будет говорить вам прямо в глаза то, что скажет журналист. Поэтому, если уж выпала мне такая возможность, выскажусь прямо, Борис Павлович: трудно вам придется на нынешнем чемпионате мира со старыми подходами.

– Пророчишь нам поражение?

– Рад бы ошибиться, однако... – и Рыжков картинно развел руками в стороны. – Посудите сами. В мировом хоккее сейчас проходит реорганизация, на которую мы реагируем плохо, с отставанием. Наша сборная набирается из игроков, которые уже подошли к своему возрастному порогу. Знаете, сколько в нашей сборной ребят, родившихся в 40-е годы? Я подсчитал – целых девять человек: Михайлов, Гусев, Петров, Якушев, Цыганков, Шадрин и так далее. А в чехословацкой сборной таких всего лишь четверо: Поспишил, Голик, Махач и Новак. А в Швеции и того меньше: Сальминг и Ольберг. Там всю рекрутируют молодежь, поскольку на носу Олимпиада в США. А мы всё надеемся на наших ветеранов.

– Легко вам, журналистам, советы раздавать, – усмехнулся Кулагин. – А перед нами стоит задача вернуть себе чемпионский титул. Поэтому не имеем мы права сейчас рисковать и делать ставку на молодых. А молодые пока пускай во второй сборной поиграют.

– То же самое вы говорили и в прошлом году. Кстати, в тот раз в сборной было, кажется, только трое новичков: Сергей Коротков, Александр Филиппов и Владимир Голиков. Причем, опять все из Москвы и ближайших городов, вроде Воскресенска. А издалёка был один Хельмут Балдерис. Получается, не богата наша провинция талантами?

– Богата, но провинциальных игроков мы стараемся пропускать через московские клубы. Иначе не дотягивают они до уровня первой сборной.

– Но Балдерис ведь дотянул. Значит, и другие смогут, просто искать лучше надо. Короче, с таким подходом сложно будет вам вернуть чемпионский титул.

– Ладно, не каркай, – отмахнулся от журналиста Кулагин. После чего взглянул на часы и первым протянул руку для прощального рукопожатия. Он действительно опаздывал на встречу, которая была назначена на три часа дня.

Когда Кулагин вошел в кабинет Кондратьева, тот разговаривал с кем-то по телефону. Но, увидев, кто к нему пришел, быстро завершил разговор и поднялся навстречу гостю. Они обменялись короткими рукопожатиями и заняли места в креслах напротив друг друга.

– Судя по вашему лицу, Борис Павлович, вы чем-то озабочены? – спросил у гостя Кондратьев.

– Я встретил в вестибюле Дмитрия Рыжкова, – сообщил Кулагин.

– Тогда понятно – опять учил уму-разуму, – по губам чиновника пробежала улыбка.

– Кстати, многие его советы можно считать дельными. Мне кажется, несправедливо, что такой талантливый специалист не имеет возможности выезжать со сборной за границу. Может, стоит похлопотать?

– Вы же знаете, Борис Павлович, что это не наша прихоть, – и Кондратьев воздел очи вверх, показывая, кто именно наложил запрет на выезды Рыжкова за границу. – Кстати, о выездах. Вчера пришли подтверждения от наших коллег из Швеции и Финляндия о том, что товарищеские игры нашей сборной состоятся. Первый матч пройдет в Хельсинки 4 апреля. Предварительный состав сборной вы с Локтевым уже определили?

Вместо ответа Кулагин открыл свой кожаный дипломат и извлек из него требуемый документ. Взяв его в руки, Кондратьев углубился в чтение. А гость скользнул взглядом по кабинету, остановив свой взор на портрете Леонида Ильича Брежнева, висевшем за спиной хозяина кабинета. Престарелый генсек, торжества по случаю 70-летия которого с большой помпой прошли всего лишь полтора месяца назад, выглядел на портрете моложе своих лет. Встретившись с ним глазами, Кулагин поймал себя на мысли, что если сборная под его руководством и в этот раз проиграет мировое первенство, генсек, который был страстным хоккейным болельщиком, ему этого не простит.

– Что-то новеньких опять маловато, – отрывая глаза от списка, вынес свое резюме Кондратьев.

– Вы прямо, как Рыжков, – усмехнулся Кулагин, после чего продолжил: – Мы полагаем, что ставку надо делать на опытных мастеров, поэтому молодежью разбавим защитные ряды, а вот атаковую линию, скорее всего, трогать не будем. Возьмем одиннадцать нападающих из числа проверенных.

– Неужели ни одного новичка не будет?

– Из нападающих прицепим к основе одного – Александра Голикова. Из защитников двух – Вячеслава Фетисова и Василия Первухина.

– Но у вас здесь фигурирует защитник Александр Гусев. Не староват ли он – может, взять вместо него еще одного молодого? На мой взгляд, в этом сезоне Александр не блещет.

– У нас иное мнение на его счет.

– У вас или у Локтева?

По тому, как Кулагин стушевался, Кондратьев понял, что попал в точку. И продолжил:

– Из двадцати игроков девять играют в ЦСКА. Не перебор?

– Перебор бы был, если десятым был Борис Александров. Но его в списке нет.

– А взять-то этого драчуна хочется? – лукаво глядя на тренера, спросил чиновник.

– Не помешал бы, – коротко ответил Кулагин. – Он ведь в ЦСКА один из главных забивал – ноздря в ноздю идет с Михайловым и Петровым.

– Думаете, справились бы с его норовом?

– У Петрова ведь тоже норов дай бог каждому.

– Ну, Владимир хоккеист маститый – ему многое прощается. Александрову до него далеко.

– В Инсбруке я с его норовом легко справился. Как помните, я включил Бориса в сборную в последний момент, когда он блеснул в играх против канадцев. Так что парень мне многим обязан.

– А я вот сомневаюсь в его благодарности. Впрочем, не только я – многие. Так что Александрова в этой сборной вряд ли будет – пусть за ум возьмется. Но вместо него можно было включить молодого игрока из какого-нибудь другого клуба, а не армейского.

– В прошлом году взяли всего шестерых армейцев и сами знаете, чем это закончилось, – напомнил Кулагин своему собеседнику о фиаско в Катовице. – Впрочем, до контрольных игр еще два месяца, так что будет время подумать.

Игнатов снова скользнул взглядом по списку, после чего отложил его на угол стола и сказал:

– Ну что же, Борис Павлович, вам, как старшему тренеру сборной, виднее, кого брать в команду. Но вы должны понимать, что реванш за прошлогоднюю неудачу в Катовице мы взять обязаны. В противном случае два поражения подряд нам никто не простит.

– В первую очередь не простят нам с Локтевым, – поправил собеседника Кулагин и грустно улыбнулся.

9 февраля 1977 года, среда, Усть-Каменогорск

В зале ожидания перед вылетом самолета Анжела села в дальнем углу в кресло и постаралась, чтобы Александров ее не заметил. Сделать это было не трудно – хоккеист, наконец-то дочитавший до конца статью в «Советском спорте», был увлечен собственными мыслями и по сторонам не смотрел. Повезло девушке и в салоне ТУ-134: место Александрова оказалось в хвосте, а у нее – в передней части. Поэтому все пять часов полета он ни о чем не догадывался. И только когда они прилетели к месту назначения, Анжела решила открыться. При выходе из аэропорта она окликнула хоккеиста и громко рассмеялась, когда увидела его вытянутое от удивления лицо.

– Видели вы бы себя в эту минуту, сами бы упали от смеха, – сказала девушка, когда Александров, наконец, пришел в себя.

– Вы либо сумасшедшая, либо авантюристка, – объявил он девушке, после чего... тоже рассмеялся.

– И все же, как вам взбрело в голову лететь вместе со мной? – спросил хоккеист, когда они вышли на заснеженную улицу.

– Просто я никогда не была в Усть-Каменогорске, поэтому подумала: как было бы хорошо, чтобы моим гидом по нему был олимпийский чемпион Борис Александров.

– Я же говорю, что вы авантюристка, – взяв девушку под локоть, хоккеист повел ее к остановке такси.

Пока они мчались по вечернему городу к проспекту Ленина, где жила мама Александрова, Анжела, сидя на заднем сиденье, внимательно вглядывалась в очертания домов, мелькавшие за окном.

– Не портите себе зрение – завтра с утра я покажу вам город, – не поворачивая головы назад, обратился с переднего сиденья к девушке Александров.

– Дама у нас впервые? – поинтересовался водитель.

– Да, москвичка, прилетевшая взглянуть на красоты города металлургов, – подтвердил догадку таксиста хоккеист.

– Я действительно у вас впервые, зато мой компаньон местный, причем очень известный. Вы разве его не узнали?

Водитель, который до этого взглянул на них мельком, теперь стал разглядывать своего пассажира с переднего сиденья более тщательно.

– Не может быть – Александров? – наконец, сорвался с губ таксиста восхищенный возглас.

– Браво, вам хватило меньше минуты! – и Анжела захлопала в ладоши.

– Командир, ты поменьше крути головой в мою сторону, а то мы разобьемся к чертовой матери – гололед все-таки, – заметил Александров.

– Да я буду последним человеком, если угроблю самого Бориса Александрова, – ответил водитель.

После чего попросил:

– Борис, если вам не трудно – откройте, пожалуйста, бардачок и поставьте автограф на моем маршрутном листе. Покажу завтра ребятам, они с ума сойдут.

Александров так и сделал: нашел в бардачке упомянутый лист, а также авторучку и поставил свою размашистую подпись.

– А у меня автограф взять не хотите? – вновь подала голос Анжела.

– А вы кто будете? – поинтересовался таксист.

– Я актриса Ольга Науменко. «Иронию судьбы» смотрели?

– Брошенка? – сразу догадался водитель.

– Она самая.

– Девушка шутит, – вмешался в их разговор Александров, разоблачив свою спутницу. И повернувшись к Анжеле: – А вы еще и аферистка.

– Просто я никогда не раздавала автографов – захотелось попробовать, – пожалала плечами девушка и снова отвернулась к окну.

Вскоре они подъехали к дому № 3 на проспекте Ленина. Александров расплатился с таксистом и они с Анжелой вошли в плохо освещенный подъезд кирпичной пятиэтажки.

– Никогда бы не подумала, что олимпийские чемпионы живут в таких условиях.

– Здесь живет моя мама, – коротко ответил хоккеист. – Кстати, зовут ее Александра Михайловна.

Мамой Александрова оказалась миловидная, невысокого роста женщина, которая вышла на их звонок в цветастом фартуке – оказалось, она перед этим мыла посуду на кухне. Увидев сына, мать всплеснула руками и произнесла лишь одно слово: «Борька!» После чего расплакалась.

– Мам, ты чего? – сын обнял женщину за плечи.

И тут же осекся, увидев на тумбочке в коридоре газету «Советский спорт» со статьей «Удар в спину». Взяв ее в руки, хоккеист ушел на кухню, где, судя по шуму, выбросил газету в мусорное ведро. После чего снова появился в коридоре и спросил:

– Газету Алан принес? Кстати, как он?

– Уволился, сидит теперь дома, – коротко ответила мать. После чего задала вопрос, который давно вертелся у нее на языке:

– А это кто с тобой, сынок?

– Туристка, – без тени иронии на лице ответил Александров. – Приехала в наш город на экскурсию, а я вызвался быть ее гидом. Так что ты, мам, ничего такого не думай. Сделай нам чего-нибудь поесть, а потом мы ляжем: Анжела в гостиной, а я на кухне, на раскладушке.

И так уверенно он это сказал, что мать не стала больше ни о чем его расспрашивать – даже про жену сына, которая должна была вот-вот родить, не обмолвилась ни словом, прекрасно осведомленная о том, что в молодой семье не все ладно. Причем догадывалась, что эти нелады вызваны больше характером ее сына, чем поведением родителей невестки, которые были людьми известными и особенно это касалось тестя – знаменитого советского киноактера Николая Апанасовича Кучкова, которого мать Александрова обожала с детства. И вот угораздило же ее сына стать этому человеку зятем! Когда Александра Михайловна об этом узнала, она сразу поняла – ничего хорошего из этой женитьбы не выйдет. Получилось, как в воду глядела.

10 февраля 1977 года, четверг, Усть-Каменогорск, квартира Александровых

Александров проснулся утром от голосов, доносившихся в приоткрытую дверь кухни из гостиной. Прислушавшись, он понял, что это разговаривают его мама и Анжела. Мать хоккеиста рассказывала госте о детстве своего сына, попутно показывая ей фотографии из семейного альбома, где были запечатлены этапы хоккейного пути юного Бориса Александрова:

– Борьку с пяти лет отец поставил на коньки. Хоккей в те годы был очень популярен и чуть ли не в каждом дворе дети гоняли шайбу. Ведь наш Усть-Каменогорск считается роди-

ной казахстанского хоккея. Я помню, как отец вырезал Борису щитки из валенок и сам сколачивал ребятам деревянные ворота, обтягивая их рыболовной сетью. Мальчишки намазывали руки гусиным жиром и даже обматывали газетами, чтобы не было обморожений – играли-то на открытом воздухе с утра до позднего вечера. Вот видите, на этой фотографии Борис как раз играет на нашей старой дворовой площадке.

Было слышно, как шелестят страницы в семейном альбоме и мерно тикают ходики на стене. И над всем этим витал ровный голос матери, которая продолжала свой рассказ:

– Все мальчишки мечтали попасть в состав нашего усть-каменогорского «Торпедо», которое еще в 57-м году заняло второе место в чемпионате Казахстана. И нашему Борьке повезло – он попал в юношеский состав еще школьником, в команду «Спутник-4» под руководством Юрия Тархина. Вот он на фотографии с мальчишками.

А здесь Борьке 12 лет. Их команда в тот год выиграла сразу несколько турниров на призы газеты «Пионерская правда» – первенство города, области и республики в придачу. Они тогда завоевали право представлять Казахскую ССР на турнире «Золотая шайба» в Воскресенске. Правда, занять призовое место им не удалось, но их команду признали самой техничной на турнире. И особенно поразил всех наш Борис. Вот он на фотографии – маленький, щупленький, откуда только силы брались. Но характер у него был взрывной.

– Уже тогда? – спросила Анжела.

– Его отец любил приговаривать: «Я вспыльчивый, но отходчивый». Вот и сын такой же. Но отец его сильно баловал, в отличие от нашей дочери. На дворовой площадке детишкам даже конфеты раздавал, если те точный пас Борьке в игре отдавали. За это детишки нашего сына «Гаденышем» прозвали, а потом и вовсе «Пупом» нарекли – за то, что он всегда хотел, чтобы вся игра через него шла. Но как же иначе, если Борька и в самом деле в хоккее лучше всех играл? Я вот в этой игре мало что смыслю, но иногда сама удивлялась тому, как ему легко удается с шайбой управляться – она будто привязанная к его клюшке. Поэтому его и в хоккейную секцию сразу взяли. А отец и туда стал навещать. И там все время с тренерами ругался, считая, что они несправедливы к сыну. Чтобы мальчик не делал, отец его всегда оправдывал. Вот Борька нос все сильнее и задирал. И дозадирались оба – сына из секции отчислили. Потому что какому тренеру охота слышать пьяные окрики отца с трибуны? Так Гордеич знаете, что заявил на это? Дескать, сам воспитаю из Борьки хоккеиста. Я ему тогда сказала: уйми свою гордыню, приведи Борьку обратно, а сам на тренировки не ходи. Но он не послушался. А что в итоге получилось? Три месяца он промучился, после чего пошел к тренеру и попросил его принять сына обратно. И тот, душа-человек, согласился. Правда, взял с отца расписку, что тот никогда не будет приходить на тренировки. А то ведь до этого его там иначе, как «хромым чертом», не называли.

– Почему хромым?

– Так воевал он. Перед самой войной его призвали на флот. Летом сорок второго получил первое ранение, потом второе – более тяжелое. Два года пролежал в госпиталях, перенес четыре сложнейшие операции и домой возвратился без ноги – на mine подорвался. На гимнастерке – орден Красной звезды, несколько медалей. Он вообще-то добрым был, но уж больно вспыльчивый. Борис в него пошел.

– Почему был?

– Умер Виктор Гердеевич четыре года назад. Бориса тогда как раз в ЦСКА взяли, выставили на первый турнир. А у отца как раз в это время рак диагностировали. Так он написал армейским начальникам, чтобы те ничего не рассказывали Борису – чтобы тот от хоккея не отвлекался. Борис о смерти отца узнал уже после турнира. Так убивался...

Лежа на раскладушке и слушая рассказ матери, Александров мысленно перенесся в свое прошлое.

Ретроспекция. 1960-е годы, Усть-Каменогорск

Борис проснулся ночью от какого-то шума во дворе. Откинув одеяло, он облокотился на подоконник и выглянул в окно. При свете одинокого фонаря мальчик ясно разглядел силуэт человека, который шел с ведром на их площадку, где они гоняли в хоккей и где чуть позже будет возведена настоящая хоккейная «коробка». А пока ее не было, детям приходилось гонять шайбу на утрамбованном снегом пяточке. По тому, как шел человек – а он хромал на одну ногу – Борис понял, что это не кто иной, как его отец. Осторожно вылив из ведра воду на снежный настил площадки, отец взял в руки дощечку и стал выравнивать залитое водой место, стараясь сделать его как можно гладким. «Да это он нам каток заливает!» – догадался Борис. Отец давно хотел это сделать, чтобы его сын с товарищами смогли играть в хоккей не в валенках, а на настоящих коньках.

Борис осторожно встал с постели и, стараясь не разбудить мать, которая спала в соседней комнате, стал одеваться. В какой-то миг мать начала ворочаться, поэтому сын застыл на месте, прислушиваясь к шуму, доносившемуся из родительской комнаты. Наконец, там все опять стихло, и Борис продолжил свое дело – натянул на ноги штаны. Потом вышел в коридор и облачился в пальто, а на голову водрузил шапку. В это время дверь отворилась и в предбанник вошел отец с пустым ведром. Увидев сына, он удивился:

– Ты чего это, Борька?

Вместо ответа сын отправился на кухню и взял там второе ведро. Здесь же, в раковине, наполнил его водой. И осторожно, чтобы не расплескать содержимое ведра, зашагал во двор. Отец молча проводил его взглядом, после чего тоже побрел на кухню.

Так они с отцом и ходили из дома на площадку, переносив не один десяток ведер с водой. Дул холодный ветер с Иртыша, над головой скрипуче покачивался одинокий фонарь, а трехсоттысячный город мирно спал накануне очередного рабочего дня. И только два человека не сомкнули в ту ночь глаз – отец и сын Александровы.

Когда проснулась мать, она застала своих мужчин на кухне за завтраком. Женщина ни о чем не догадалась, только удивилась, что оба ее ведра стоят на полу с мокрым дном. Но спросить что-либо у своих мужчин она не успела. Муж, наскоро одевшись, ушел на работу. А Борис отправился в свою комнату, чтобы спустя несколько минут, засовывая на ходу в портфель пару бутербродов, завернутых в газету, убежать в школу. Он мчался по заснеженной улице и мечтал только об одном: чтобы поскорее закончились уроки и он смог бы выйти на каток с коньками на ногах и с клюшкой в руках. Так начинались его хоккейные университеты.

Впрочем, то же самое могли сказать и миллионы других советских мальчишек, кто гонял в те годы шайбу у себя во дворах. Не было исключением и Усть-Каменогорск, где хоккей был чрезвычайно популярен. Местное «Торпедо» в сезоне 1966/1967 едва не вышло в высшую лигу, что подхлестнуло популярность в городе хоккея. Однажды на один из поединков торпедовцев на хоккейный стадион набились 8000 болельщиков – при вместимости его около 3000 человек! Тренировал тогда команду Юрий Баулин (он потом приведет московский «Спартак» к бронзовым наградам – в 1972 году). Кумирами усть-каменогорских мальчишек в те годы были Евгений Поладьев, Вадим Куликов, Олег Домрачев, Виктор Семькин, Валерий Кириченко. А спустя несколько лет им на смену пришло поколение Бориса Александрова, рядом с которым играли Владимир Локотко, Равиль Гатаулин, Виталий Филиппов и другие.

Вспоминая теперь эти события, Александров поймал себя на мысли, что было это, вроде бы, недавно – каких-нибудь шесть-семь лет назад, а воспринимается им уже как далекая история. Видимо, переезд в Москву и водоворот событий, захвативших его там, так сместил у него временные ориентиры, что он стал воспринимать свое недавнее прошлое, как предание старины глубокой.

10 февраля 1977 года, четверг, Усть-Каменогорск, квартира Александровых

Войдя в комнату, Александров прервал разговор женщин и обратился к матери:

– Мам, приготовь гостье завтрак, а я пока схожу к Алану. Он дома?

– Я же тебе вчера говорила, что он месяц назад с завода уволился. Где ему еще быть?

Алан Супреев, детский приятель Александрова, с которым они играли в юношеском составе усть-каменогорского «Торпедо», жил в этом же подъезде, только этажом выше. Когда он увидел на пороге своего друга, то первые мгновения стоял как вкопанный, не в силах произнести ни единого слова. Да и потом, когда они обнялись и неожиданный гость зашел в квартиру, Алан еще какое-то время хранил молчание, не веря в то, что к нему пришел его старинный приятель, с которым они не виделись около года – с тех пор, как Александров навещал мать сразу после Олимпиады в Инсбруке.

Они прошли на кухню, где в детстве частенько сживали допоздна, когда приходили с хоккея домой и коротали время в спорах на всё ту же хоккейную тему. С тех пор на этой кухне мало что изменилось, даже вид из окна был прежний – внизу раскинул свои владения детский сад, а вдалеке виднелись корпуса Востокмашзавода, на котором некогда трудился Алан. Глядя теперь на его очертания, Александров спросил:

– Мать сказала, что ты с завода уволился?

– Не уволился, а уволили. А вот почему, не спрашивай – длинная история.

– Из заводской команды тоже турнули? – усаживаясь на табуретку, продолжал свой допрос Александров.

– А вот это дудки – играю.

– Хорошо, а то я тебе новые краги привез. Зайдешь потом к матери, заберешь.

– Спасибо, знаешь, чем обрадовать старого приятеля.

– Зато ты не знаешь – зачем матери вчерашний «Советский спорт» показал?

– Так то не я. Вернее, не по моей вине вышло. Ей кто-то по телефону позвонил и про статью рассказал. А она ведь знает, что я «Советский спорт» выписываю. Ну, естественно, пришла... Дальше сам понимаешь.

Друзья какое-то время помолчали, после чего Алан нашел в себе смелость спросить:

– Тебя самого из ЦСКА теперь турнуть не собираются?

– Если турнут, я сюда вернусь – буду за родное «Торпедо» гонять.

– Ты сам-то веришь в то, что говоришь? – усмехнулся Алан. – Наши вот-вот во вторую лигу вылетят, а ты возвращаться собрался. Если в Москву попал, то держись за нее до последнего. Ты ведь один из всего нашего призыва смог не только в столице закрепиться, но и славы вдоволь хлебнуть – Олимпиаду выиграл, чемпионат СССР, против самих канадцев сумел поиграть. Таких успехов больше ни у кого из наших нет – ни у Равиля Гатаулина, ни у Володьки Локотко. Кстати, как они?

– Равиль по-прежнему играет в столичном «Динамо», а Володька – в «Крыльях Советов». Но я с ними редко вижуся. Ты лучше расскажи, как у тебя с Ленкой?

– Разбежались, как только с завода уволился. Ну, и ладно. Мне в моей «двушке» без бабы даже легче – дышится свободнее. Ты, женатик, мне теперь, небось, завидуешь?

Ответить Александров не успел – в дверь позвонили. Алан отправился на зов, а когда открыл дверь, был удивлен не меньше, чем в тот момент, когда увидел на пороге своего старого приятеля. Но теперь перед его взором предстала симпатичная блондинка в модном пальто с меховым воротником.

– Девушка, вам кого? – спросил Алан.

– Бориса Александрова, чемпиона Олимпийских игр, – без тени смущения ответила незнакомка.

– А как ему передать, кто его ищет?

– Скажите, что Анжела.

– Так вас зовут Анжела? Та самая маркиза ангелов?

– Нет, не та самая – Анжела и Анжелика это разные имена.

– Все равно позвольте называть вас маркиза.

– Ну, если вам так нравится... – не стала возражать девушка.

– Борис! – Алан повернулся вполборота и осекся – его приятель уже стоял у него за спиной.

– Вы уже позавтракали? – выходя на площадку, спросил у девушки Александров.

– Да, ваша мама накормила меня пельменями. Было очень вкусно.

– Борис, кто это? – вновь подал голос Алан.

– Туристка из Москвы. Приехала посмотреть на красоты нашего города, а я вызвался быть ее гидом. Кстати, твой «Жигуленок» на ходу?

– Стоит во дворе.

– То, что он стоит, я еще вчера заметил. У него колеса крутятся?

– Обижает, Борис.

– Тогда, будь другом – прокати нас по городу. А то у девушки туристическая путевка пропадает.

10 февраля 1977 года, четверг, Кандава, база рижского «Динамо»

Став в 1968 году тренером рижского «Динамо», Виктор Тихонов ввел в практику собственное ноу-хау, которое в СССР еще никто не применял. Он купил себе советскую кинокамеру «Кварц» и стал выезжать в другие города на игры разных команд, поскольку эти матчи в Риге по ТВ не транслировали (даже игры клубов высшей лиги по ТВ показывали выборочно). Снимая эти поединки на пленку, Тихонов потом подробно разбирал игру соперников вместе с игроками своей команды. Первое время его подопечные удивлялись такому новшеству, но когда оно стало приносить свои весомые плоды – рижане стали выигрывать один матч за другим – то эти кинопросмотры стали в команде делом привычным.

Когда рижское «Динамо» вышло в высшую лигу, Тихонов вовсе не отложил кинокамеру в сторону и иногда продолжал выезжать в разные города, чтобы записывать на кинопленку матчи интересующих его команд. Причем многие удивлялись этому, поскольку некоторые из этих игр транслировали по телевидению. Но на все эти удивленные возгласы Тихонов отвечал коротко: «Телевизионная трансляция не может показать все нужные мне нюансы игры. А моя камера может».

В играх завершающего этапа первенства сезона 1976/1977 для рижан были интересны матчи прежде всего двух команд – Воскресенского «Химика» и челябинского «Трактора». Именно эти два клуба шли с рижанами «ноздря в ноздю» и могли перебежать им дорогу в споре за бронзовые медали. Другие команды – «Спартак», «Крылья Советов» и горьковское «Торпедо», конечно, тоже могли включиться в гонку за «бронзу», но шансов на это у них было значительно меньше. Поэтому Тихонов, который всегда нацеливал своих игроков на победу в каждом матче, особый упор делал на матчи финальной стадии турнира против «Химика» и «Трактора». Вот для чего неделю назад – 4 февраля – он специально летал в Челябинск, где записал на кинокамеру матч «Трактора» против ленинградского СКА, который не транслировалось ЦТ. Причем в этот же день рижское «Динамо» тоже играло матч, но только в Саратове против местного «Кристалла». Но поскольку эта команда была аутсайдером (занимала последнее место с 5-ю очками), Тихонов со спокойной душой передал бразды правления коллективом

своему помощнику Эвальду Грабовскому, а сам улетел в Челябинск. После чего долго об этом жалел. Почему? Дело в том, что без него рижане играли из рук вон плохо и едва не проиграли саратовцам. Причем обе единственные шайбы в матче были забиты на 18-й минуте. Сначала это сделал рижанин Емельяненко, а спустя несколько секунд саратовец Борзов восстановил равновесие в счете. После чего голов больше забито не было, зато игра превратилась в побоище гладиаторов – удаления в ней следовали одно за другим. Защитник рижан Бескашнов набрал 9 минут штрафа, а Балдерис был удален сразу на 5 минут за драку. У саратовцев больше всех отличился защитник Никулин, набравший 8 штрафных минут. Короче, Тихонов потом локти себе кусал, что отсутствовал на этой игре.

Впрочем, польза от его поездки тоже была. Он записал игру во всех нюансах, уделив главное внимание челябинцам – как они защищаются, как атакуют, как играют в меньшинстве и большинстве. Уделил он внимание и действиям тренера челябинцев Анатолия Кострюкова, с которым у него были давние личные счеты. Они были знакомы еще с начала 50-х, когда Тихонов играл в ВВС, а Кострюков в «Крыльях Советов», где его пара с Альфредом Кучевским считалась лучшей среди защитных дуэтов страны. В финальном матче на Кубок СССР между ВВС и «Крыльями» в феврале 1951 года именно Кострюков забил решающий гол, причем сделал это «из-под Тихонова». «Крылья» тогда победили 4:3, а Кострюков потом позировал для фигурки хоккеиста на Кубке СССР.

В 1962–1970 годах Кострюков занимал должность старшего тренера второй сборной СССР (пост, который чуть позже достанется Тихонову), а в 1974 году его назначили старшим тренером «Трактора», чтобы он сделал из команды-средняка фаворита союзного первенства. И он, используя жесткие методы в работе (как и Тихонов в рижском «Динамо»), быстро навел порядок в клубе. Как результат: в этом сезоне «Трактор» всерьез нацелился на «бронзу» – впервые в своей истории. К этому же результату стремилась и команда Тихонова, поэтому это противостояние можно было смело считать и личной борьбой двух бывших московских тренеров. Пока в этом противостоянии судьба больше благоволила Кострюкову, команда которого набрала больше очков, чем рижское «Динамо».

После обеда Тихонов приехал на базу рижского «Динамо» в Кандаве. Команда готовилась к очередному матчу – против одноклубников из Москвы, которые шли на втором месте в чемпионате страны. Догнать их рижане уже не могли, но отобрать очки собирались, поскольку на финише первенства каждое очко было на вес золота. В этом году рижане и москвичи сыграли уже три матча, причем в двух из них победу праздновали динамовцы Москвы и только в одном – подопечные Тихонова. Сегодня последние собирались взять реванш и восстановить баланс побед и поражений, сведя его к ничейному результату.

– Если завтра победим, то вполне можем рассчитывать и на хороший итоговый результат во всем турнире, – напутствовал своих игроков Тихонов на предматчевой установке.

– Нам бы «Трактор» одолеть, – бросил реплику кто-то из игроков.

– Победим москвичей, сумеем одолеть и челябинцев – они ведь идут друг за другом в турнирной таблице, – напомнил подопечным Тихонов. – Ведь ленинградцам это сделать удалось, а мы чем хуже?

После этого, желая воодушевить своих игроков, он решил показать игрокам запись упомянутого им матча, где победа осталась за питерскими – 6:4. Несмотря на то, что Тихонов давно практиковал такие видеозанятия, многие игроки его команды продолжали удивляться одержимости своего тренера, который за свой счет ездил в разные города Союза, чтобы снять на пленку игру будущих соперников и потом разобрать ее в кругу своих игроков. Но с другой стороны такие разборы игр проходили гораздо интереснее, чем теоретические занятия у доски.

– Челябинцы играли в три звена, как и ленинградцы, – включив кинопроектор, начал свой комментарий Тихонов. – И уже к 28-й минуте проигрывали 0:3, поскольку стали играть в открытый хоккей, в то время как хозяева старались ловить их на контратаках. К тому же у

челябинцев в первые полчаса игру провалило первое звено во главе с их лучшим форвардом Валерием Белоусовым, которое пропустило две шайбы.

И Тихонов стал демонстрировать на экране пропущенные челябинцами голы.

– Видите, у ленинградцев особенно активны два звена – первое во главе с их центром Наханько, который забил вторую шайбу, и третье во главе с Чучиным, с подачи которого Шкурдюк открыл счет в матче.

– Защита у челябинцев, как проходной двор, – бросил реплику Хельмут Балдерис.

– Да, даже их ветеран Николай Макаров как будто не в своей тарелке, – согласился Тихонов. – Но тебе, Хельмут, уповать на это не стоит – против тебя и Макаров, и Тыжных играть будут в полную силу. Как, впрочем, завтра и Васильев с Первухиным в «Динамо».

– Валерка Белоусов тоже какой-то вареный, – подал голос Виктор Хатулев. – Может, они накануне хорошо в ресторане посидели?

– Намечаешь на то, чтобы его перед игрой с нами в «Юрас перле» сводить? – с радостью подхватил эту тему Петр Воробьев.

– Нет, они в прошлый раз по нашим магазинам разбежались – «Рижскую смесь» покупали и трикотаж, – сообщил Михаил Бескашнов.

Все весело посмеялись над этим сообщением. В самом деле, когда в Ригу на игры приезжали другие команды, их игроки расходились по магазинам, чтобы уехать домой не с пустыми руками. Покупали все подряд – например, те же сладости: карамельные конфеты фабрики «Uzvara» («Победа») «Рижская смесь», баночка которой стоила 1 рубль 38 копеек, «Молочную каплю» за 1 рубль 19 копеек, шоколад фабрики «Laima», печенье фабрики «17 июня» и многое другое. Также в большом почете был трикотаж фабрики «Рита». Короче, не одним хоккеем жили спортсмены, приезжавшие на матчи в Ригу.

– Посмеялись, а теперь снова все внимание на экран, – призвал своих игроков к порядку Тихонов. – Итак, три шайбы ленинградцы забili за 28 минут. После чего, видимо, посчитали, что дело сделано. Раз уж Белоусов, как вареный, то что, дескать, взять с остальных. И ошиблись. Как, кстати, и динамовцы в прошлом матче с «Крылышками». Тоже вели в счете – правда, 2:0, но уже в концовке матча. А «Крылья» возьми и проснись – сравняли счет. Правда, динамовцы в итоге еще два гола им заколотили и выиграли 4:2. Это я к тому говорю, что играть надо до конца. Но вернемся в Челябинск.

Посмотрите, как «Трактор» забил свой первый гол. Защитник ленинградцев Поздняков упустил Белоусова и тот отдал точный пас Картаеву, которого должен был закрывать Макарецев, но не закрыл. Как итог – счет стал 1:3. А спустя две минуты отличилось уже третье звено «Трактора» – их «центр» Бородулин сокращает счет до минимума. Защитники, к вам обращаясь: обратите внимание, как Бородулин взаимодействует с Природиным. И как располагается в зоне соперника защитник Тыжных. Кстати, он в самом начале забьет третью шайбу челябинцев. Вот этот момент, – и Тихонов прокрутил пленку до нужного места. – А теперь смотрите, что было дальше. Тройка нападения челябинцев из третьего звена играла на пять с плюсом – забili три шайбы, а вот их защитники – Шабунин и Цыгуров – провалились. Через полминуты после забитой Тыжных шайбы, ошибается Шабунин и Климов снова выводит ленинградцев вперед. Вот этот гол. Красивый, правда? Обратите внимание на действие вратаря «Трактора» Герасимова – он никем не закрыт, но не успевает вовремя сдвинуть щитки. Это уже вторая его подобная «бабочка» в этом матче. Значит, берем это на заметку.

И Тихонов дважды прокрутил этот эпизод, чтобы игроки смогли рассмотреть его подробнее. После чего продолжил:

– Проходит ровно три минуты и челябинцы снова сравнивают счет – гол забивает третье звено, нападающий Шорин. Гол незамысловатый, но на его ценность это не влияет, так как счет-то снова становится равный – 4:4. На табло, как видим, 45-я минута матча, значит, впереди есть еще пятнадцать минут. То есть, уйма времени, чтобы выиграть этот матч кому-

то из соперников. Но обе команды закрываются и начинают осторожничать, поскольку цена следующего гола слишком велика. И так длится больше десяти минут. А за четыре минуты до финальной сирены ленинградцы все-таки вырывают победу. Обратим внимание, челябинцы вносят коррективы в игру второго звена, которое играло слабее всех – сажают на скамейку запасных Молчанова и Шумакова и выпускают Валецкого и Беца. Но звено так и не заиграло. А третья пятерка снова провалилась – именно в их смену была забита решающая шайба. Это сделал автор первого гола – Шкурдюк. Посмотрите, как он прекрасно с этим справился. Выкатился на ударную позицию за спиной защитника, получил пас от Новожилова и забросил шайбу в незакрытый вратарем угол. Победа 5:4.

Дважды прокрутив этот эпизод, Тихонов выключил кинопроектор и подвел итог этого просмотра:

– В этом матче у челябинцев ударно сыграли два звена – первое и третье, забившее по две шайбы. Второе звено игру провалило. У динамовцев в матче с «Крыльшками» в ударе тоже было первое звено Природин – Мальцев – Голиков, забившее три шайбы из четырех. Четвертую забил Котлов из третьей пятерки. Значит, наша задача завтра наглухо закрыть первое звено москвичей силами защитников первого и четвертого звеньев. Речь идет о Назарове, Бескашнове, Кобзеве и Хатулеве. Впрочем, Бескашнову мои слова, как об стенку горох – по нему, видимо, опять скамейка штрафников будет плакать. Ты когда за голову возьмешься, Михаил? Или случай с Александровым тебя ничему не научил?

– Виктор Васильевич, я же не один удаляюсь – обязательно кого-нибудь из соперников прихвачу, – нисколько не смущаясь, ответил Бескашнов.

– Я же говорю, как об стенку горох, – укоризненно покачал головой Тихонов. – Это, кстати, касается всех. Если вы, ребята, будете вести себя дисциплинированно и не дадите шанса забить вам в большинстве, значит, со своей задачей вы справитесь. В завтрашней игре ваше протирание штанов на скамейке штрафников может дорого нам обойтись. Понятно?

– Понятно, – ответил за всех Балдерис.

– Тогда все свободны, а ты Хельмут задержишься еще на несколько минут, – подвел итог собрания Тихонов.

Когда дверь за последним игроком закрылась, тренер спросил:

– До финиша сезона осталось всего ничего, поэтому спрошу тебя напрямую: беречь себя не станешь, зная о том, что тебя снова вызвали в сборную?

– Виктор Васильевич, не все же такие одержимые хоккеем люди, как вы.

– Но без одержимости не может быть высоких результатов, Хельмут. В этом году мы можем завоевать «бронзу» и надо сделать все возможное, чтобы это произошло.

– Я полагаю, что четвертое место тоже будет для нас отличным результатом. Мы ведь тридцать лет этого не добивались.

– Но если и остальные игроки будут беречь себя, как ты, мы и четвертое место можем упустить.

– Остальные не будут – их же в сборную не вызывают.

– А ты, значит, побережешься? А не боишься, что от тебя отвернутся даже самые преданные твои поклонники? Забыл наш разговор с тобой в этом же кабинете три года назад, когда у меня умыкнули кинокамеру?

По тому, как на него посмотрел Балдерис, тренер понял – ничего игрок не забыл. А чтобы тренер в этом не сомневался, хоккеист сказал:

– Не волнуйтесь, буду играть в полную силу. Так что камеру вам тогда не зря вернули.

Ретроспекция. 12 января 1974 года, суббота, между Ригой и Ленинградом

Встав в это утро раньше обычного и пропустив привычную пробежку, Тихонов вызвал по телефону такси и, напутствуемый своей супругой, прихватил спортивную сумку, где лежала кинокамера и отправился в аэропорт в Скулте, что раскинуло свои владения в 13 километрах от Риги. Самолет до Ленинграда должен был вылететь через полтора часа, в половине десятого, и у Тихонова были все шансы успеть на шестичасовую игру ленинградцев с горьковским «Торпедо», которое было главным конкурентом рижан в борьбе за попадание в пятерку сильнейших команд страны. Причем к тому времени Тихонов уже успел обзавестись собственным оператором, который по его заданию вылетал в разные города для съемок нужных матчей, но тот, как назло, слег с воспалением легких. В итоге лететь пришлось самому Тихонову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.